

ПРАВО

№ 31.

1907 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“

С. Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ НОВЫЯ КНИГИ:

А. И. Каминка и В. Д. Набоковъ.

Вторая Государственная Дума.

Цѣна 1 руб.

Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова:

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

ВЫП. I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ДУМЫ. Сборникъ статей Н. А. Бородинъ, Ив. И. Петрункевича, В. М. Гессена, А. Р. Ледницкаго, В. Д. Набокова, С. А. Муромцева и М. М. Винавера. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВЫП. II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА. Сборникъ статей. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВЫП. III. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО. Сборн. статей. 1907 г. Ц. 75 к.

- ❖❖❖ **Аничковъ**. Мировой судъ и преобразование низшихъ судовъ. 1907 г. Ц. 40 к.
- ❖❖ **Блосфельдъ**. Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о Госуд. прест. дѣяніяхъ. 1907 г. Ц. 70 к.
- ❖❖ **„Былое“**. Іюль 1907 г. Ц. 1 р.
- ❖❖ **„Вѣстникъ партіи народной свободы“**. № 29—30. 1907 г. Ц. 10 к.
- ❖❖ **Верещагинъ, В. А.** Законъ 3-го іюня 1902 г. объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей съ мотивами Гос. Совѣта. 1907 г. Ц. 60 к.
- ❖❖ **Дайси, А. В.** Основы государственнаго права Англіи. 2-е изд. 1907 г. Ц. 2 р.
- Ежегодникъ для юристовъ практиковъ**. 1905—1906 гг. часть гражданская. Ц. 45 к.; часть уголовная. Ц. 55 к. Составилъ А. Л. Омелянскій. 1907 г.
- Кульчицкій, К. (Мазовецкій)**. Автономія и федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. 1907 г. Ц. 75 к.
- ❖❖ **Клячко, В. Л.** Желѣзнодорожное право. Алфавитный указатель вопросовъ жел.-дор. права и претензионной практики. **Выпускъ 2-й**. Ц. 1 р. 1907 г. (Цѣна 1-го выпуска 3 р.).
- ❖❖ **Карпенгеръ**. Полиція, тюрьмы и наказаніе. 1907 г. Ц. 30 к.
- ❖❖ **„Новая книга“** № 4. Критико-библиогр. еженедѣльникъ. Ц. 10 к.
- ❖❖ **Положеніе о выборахъ въ Госуд. Думу**. (Св. зак. т. I, ч. II), изд. офиц. 1907 г. Ц. 10 к.
- ❖❖ **„Поѣздки за границу“**. Августъ. 1907 г. Ц. 40 к.
- Петражицкій, Л. И.** Введеніе въ изученіе права и нравственности. 1907 г. 2 р. 25 к.
- ❖❖ **Тихотскій**. Последнее разъясненіе мин. финансовъ объ оплатѣ гербов. сборомъ фактуръ-накладныхъ и общихъ счетовъ. 1907 г. Ц. 15 к.

Greenfed, I. Die Verfassung des persischen Staates. B. 1904. Ц. 4 р.

Kossmann, R. Züchtungspolitik. S. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Lutzaу, H. Die Lehre von der Klageverjährung nach Liv-Est und Kurländischem Privatrecht. B. II. L. 1906. Ц. 5 р. 25 к.

Marshall, A. Handbuch der Volkswirtschaftslehre. B. I. St. 1905. Ц. 6 р.

Oppel, A. Wirtschaftsgeographie der Vereinigten Staaten von Nordamerika. H. 1907. Ц. 1 р. 90 к., (въ перепл.).

Prager, K. Bücher-Menschen-Dinge. B. 1907. Ц. 1 р.

Saxl, M. Materialien und Gesetz. 2-te Aufl. B. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Schraut, M. Die persönliche Freiheit in der modernen Volkswirtschaft. T. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Thomsen, A. Das deutsche Strafrecht. Besonderer Teil. B. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

Westermarck, Ed. Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe. B. I. L. 1907. Ц. 5 р. 50 к.

Zeppler, G. Sozialrevisionistische Demokratie. B. 1907. Ц. 50 к.

ПОЛНЫЙ СВОДЪ РѢШЕНІЙ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА (1866—1902 гг.) съ предметнымъ и постатейнымъ указателями. Цѣна 125 р. Допускается разсрочка: при заказѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ 20 руб., а на остальные 105 руб. подписывается обязательство, каковое погашается въ теченіе 15 мѣсяцевъ ежемѣсячными взносами по 7 р. 25 к. (25 коп. добавляется за переводъ наложеннаго платежа). Всѣ книги высылаются единовременно по полученіи задатка.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1907 г.

№ 31.

Воскресенье 5 августа.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцентовъ А. И. Каминка и Н. И. Лазаревского, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) О роспускѣ парламентовъ. К. Н. Соколова. 2) Матеріальныя границы мѣстнаго суда и его организація. Проф. Н. А. Греде-скула. 3) Къ статистикѣ смертной казни. Проф. М. И. Гернета. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) Гродненскій окружный судъ. (Дѣло о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ). 6) Хроника. 7) Справочный отдѣлъ. 8) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльныя нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

О роспускѣ парламентовъ.

I.

Въ широкомъ смыслѣ слова подъ роспускомъ парламента можно понимать всякое прекращеніе полномочій даннаго состава палаты въ силу акта воли другого органа государства. Для этого понятія существенны, такимъ образомъ, два момента: одновременное прекращеніе депутатскихъ полномочій всѣхъ членовъ парламента, съ замѣной ихъ новыми избранниками народа, и направленный на то актъ управомоченнаго органа власти. Сюда не подойдетъ поэтому прекращеніе полномочій палаты, вслѣдствіе истечения срока, на который ея члены были избраны: въ этомъ случаѣ дѣйствія органовъ правительственной власти, поскольку ихъ обязываетъ къ тому законъ, ограничиваются закрытіемъ сессіи и распоряженіями относительно производства новыхъ общихъ выборовъ. Но это широкое понятіе роспуска обнимаетъ, съ другой стороны, случай, такъ сказать, «обязательнаго» роспуска, котораго требуютъ конституціи нѣкоторыхъ государствъ при пересмотрѣ конституціи, а въ Бельгіи, кромѣ того, при рѣшеніи вопроса о

судьбѣ вакантнаго трона. Существо этого «обязательнаго» роспуска лучше всего явствуетъ изъ слѣдующихъ постановленій статьи 95 конституціи Датскаго королевства. «Всякое предложеніе объ измѣненіи и дополненіи настоящей конституціи можетъ быть внесено въ риксдагъ въ обычную или чрезвычайную сессію.—Если предложеніе новаго конституціоннаго закона будетъ принято двумя палатами, и правительство захочетъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, то риксдагъ долженъ быть распущенъ, и надлежитъ приступить къ общимъ выборамъ одновременно въ фолькетингъ и ландстингъ. Если предложеніе безъ всякихъ измѣненій будетъ принято новымъ риксдагомъ въ общей или чрезвычайной сессіи, и король утвердитъ его, оно получитъ силу конституціоннаго закона»¹⁾. Обыкновенно, однако, понятію роспуска парламента придаютъ болѣе узкое значеніе, ограничивая его тѣми случаями, въ которыхъ онъ обусловливается свободнымъ осуществленіемъ тѣмъ или другимъ органомъ государства предоставленнаго ему права. И

¹⁾ Ср. также конституціи: бельгійскую, ст. 85 и 131; нидерландскую, ст. 195; румынскую, ст. 128; греческую, ст. 107. Конституціи монархій цитируются по сборнику „Современныя конституціи“, т. I, 1905.

только это «техническое» его пониманіе имѣть въ виду настоящая статья.

Органомъ, пользующимся правомъ распускать парламентъ, является во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ монархъ, во Франціи—президентъ республики. Норвегія и всѣ дуалистическія республики вовсе не знаютъ института роспуска. Но въ шести кантонахъ и одномъ полукантонѣ Швейцаріи эта традиціонная прерогатива монарха принадлежитъ народу. Определенное количество гражданъ имѣетъ въ нихъ право потребовать народнаго голосованія по вопросу о томъ, не подлежитъ ли большой совѣтъ—это кантональное представительное собраніе—интегральному обновленію. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта большинства, палата признается распущенной, и производятся общіе выборы ¹⁾. Какъ, однако, ни интересно само по себѣ это своеобразное примѣненіе референдума, оно можетъ быть пока оставлено безъ вниманія. Последовательное проведеніе въ стрѣ маленькихъ государствъ Швейцаріи демократическихъ началъ и непререкаемое главенство въ нихъ народа лишаютъ его здѣсь всякой остроты. Дѣйствительно, крупное политическое значеніе имѣетъ институтъ роспуска только въ менѣе демократическихъ государствахъ—въ представительныхъ монархіяхъ и во французской республикѣ. Только здѣсь онъ является сильнымъ средствомъ воздѣйствія на политическую жизнь страны, способнымъ и вызывать въ ней тяжелыя потрясенія, и, напротивъ, вносить въ нее миръ и гармонию, такъ часто нарушаемую неправильностями въ работѣ тонкаго конституціоннаго механизма.

Какъ всякій институтъ государственнаго права, и институтъ роспуска можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, съ точки зрѣнія юридической. Здѣсь возникаютъ вопросы о субъектѣ права роспуска, о законныхъ формахъ и условіяхъ его осуществленія. Съ другой стороны, для того, чтобы дать политическую его оцѣнку, необходимо разсмотрѣть,

какое вліяніе оказывается имъ на взаимоотношеніе органовъ государства, на сравнительную ихъ политическую силу и т. д.

Естественно начать съ юридической стороны, особенно въ виду крайней, повидимому, несложности ея. Съ монотоннымъ однообразіемъ повторяютъ конституціи одна за другой, что монархъ имѣетъ право распускать одну или обѣ палаты парламента; и за ними слѣдуетъ французскій законъ 25 февраля 1875 года, въ силу статьи 5 котораго «президентъ республики можетъ, съ согласія сената, распустить палату депутатовъ раньше окончанія законнаго срока ея полномочій». Такимъ образомъ, форма, въ которой осуществляется право роспуска, есть распоряженіе, декретъ, указъ главы государства. Этотъ указъ можетъ, конечно, относиться только къ палатѣ, образуемой путемъ выборовъ. И въ государствахъ, имѣющихъ двѣ, цѣликомъ и частью, выборныя палаты, право роспуска, обыкновенно распространяется на обѣ, причемъ въ палатѣ, состоящей не исключительно изъ выборныхъ членовъ, дѣйствіе его не затрагиваетъ членовъ пожизненныхъ, по назначенію или по должности, и наслѣдственныхъ. Такъ, король можетъ распускать порознь или одновременно обѣ палаты въ Бельгіи, Нидерландахъ, Даніи, палату депутатовъ и выборную часть палаты пэровъ и сената—въ Португаліи и Испаніи. Напротивъ, король Италіи распускаетъ только палату депутатовъ, и президентъ французской республики лишенъ возможности распустить сенатъ, хотя и образуемый по закону 1884 года исключительно изъ избираемыхъ на 9-ти лѣтній срокъ членовъ ¹⁾. Пользованіе этой прерогативой главы государства влечетъ за собой цѣлый рядъ дальнѣйшихъ, нерѣдко сложныхъ и причудливыхъ комбинацій, которыя регулируются частью законодательными постановленіями, частью выработанными на практикѣ правилами. Вопросы о перерывахъ въ сессіяхъ, незатронутыхъ указомъ о роспускѣ палатъ, о судьбѣ внесенныхъ и принятыхъ тою или другою изъ нихъ законопроектовъ—это только немногія изъ недоразумѣній, могущихъ явиться въ результатѣ роспуска и уже испытанныхъ даже въ едва начавшейся парламентской жизни Россіи. Ихъ нужно, однако, признать относящимися въ большинствѣ къ подробностямъ парламентскаго права. И только одинъ изъ такихъ вопросовъ находится въ столь непосредственной связи съ самымъ актомъ роспуска, что составляетъ какъ бы часть его corpus'a и не можетъ быть обойденъ молчаніемъ. Это вопросъ о новыхъ выборахъ.—Роспускъ парла-

¹⁾ Въ Бернѣ, Ааргау, Люцернѣ и Тургау необходимо 5000 подписей для постановки вопроса на голосованіе (конституц. ст. ст. 22, 29, 44, 5); въ Солотурнѣ—4000 (ст. 25); въ Базелѣ-области—1500 (ст. 53); въ Шаффгаузенѣ—1000 (ст. 44). Косвеннымъ образомъ народъ можетъ достигнуть роспуска представительныхъ собраній и въ союзѣ. 50.000 гражданъ имѣютъ право возбудить вопросъ о пересмотрѣ конституціи. Если народъ высказывается за пересмотръ, обѣ палаты союзнаго собранія должны быть цѣликомъ переизбраны. (Союзная конституція, ст. 120). Къ этому способу прибѣгали, между прочимъ, и въ отдѣльныхъ кантонахъ, не знающихъ законной процедуры роспуска совѣта народомъ. Последняя попытка этого рода имѣла мѣсто въ Тессинѣ въ 1890 году. См. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствѣ Западной Европы, 1905, стр. 392. Нѣкоторые публицисты предлагали для союза узаконеніе референдума о роспускѣ, но пока безуспѣшно. Matter La dissolution des assemblees parlementaires, 1898, стр. 260. Тексты конституцій Швейцаріи см. въ сборникѣ, издаваемомъ федеральной канцеляріей.

¹⁾ Конституціи: бельгійская, ст. 71; нидерландская, ст. 73; датская, ст. 22; португальская, ст. 74; испанская, ст. 32; итальянская, ст. 9. Своеобразное положеніе вещей создано въ Пруссіи. Конституція (ст. 51) даетъ королю право распускать обѣ палаты. Установленная же указомъ 12 октября 1854 года организація первой палаты такова, что исключаетъ возможность роспуска. См. Matter тамъ же, стр. 156.

мента есть право, имѣющее свое опредѣленное мѣсто въ системѣ конституціоннаго строя. Оно дается главѣ государства не для того, чтобы открывать путь къ совершенію хотя бы «формальных» государственныхъ переворотовъ, а для правомѣрнаго регулированія хода политической жизни. За роспускомъ должно поэтому слѣдовать возстановленіе нормальнаго порядка вещей, достигаемаго избраніемъ новаго личнаго состава парламента. Конституціонное законодательство повсюду стремится обезпечить возможную быстроту въ возвращеніи къ жизни распущенной палаты и возлагаетъ на главу государства обязанность озаботиться производствомъ выборовъ и созывомъ новаго парламента. Наиболее рѣшительныя въ этомъ отношеніи постановленія такихъ конституцій, какъ бельгійская, нидерландская, румынская, которыя требуютъ, чтобы самый декретъ о роспускѣ заключалъ въ себѣ назначеніе выборовъ и созыва парламента въ теченіе опредѣленнаго срока. Другія, какъ германская, прусская, французская, довольствуются назначеніемъ этого срока, предоставляя главѣ государства свободу въ его предѣлахъ. Самый же срокъ исчисляется иногда отдѣльно для выборовъ и отдѣльно для созыва парламента, или сразу для того и другого и колеблется между 40 днями—3 мѣсяцами для выборовъ и 2—4 мѣсяцами для созыва парламента¹⁾. Любопытно отмѣтить, что органы правительственной власти иногда пытаются все таки обойти эти совершенно ясныя велѣнія закона. Такъ, во Франціи въ 1877 году послѣ знаменитаго роспуска палаты Макъ-Магономъ, состоявшагося 25 іюня, правительство 25 сентября только назначило выборы на 16 октября, а парламентъ созвало на 7 ноября. При этомъ оно толковало пунктъ 2 статьи 5 закона 25 февраля: «избирательныя собранія созываются для новыхъ выборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ» въ смыслѣ обязательности изданія въ предѣлахъ этого срока соответствующаго декрета. Но это своеобразное пониманіе закона было по достоинству оценено въ докладѣ Бриссона по вопросу о преданіи министровъ Макъ-Магона суду за нарушеніе конституціи²⁾. А въ 1884 году законъ 14 августа, сократившій вмѣстѣ съ тѣмъ сроки, далъ статьѣ 5 слѣдующую, болѣе точную редакцію: «Въ этомъ случаѣ избирательныя собранія собираются въ двухмѣсячный срокъ, а палата черезъ 10 дней по окончаніи выборныхъ операцій».

¹⁾ Въ Бельгіи и Нидерландахъ полагается 40 дней на выборы и 2 мѣсяца на созывъ парламента (конст., ст. ст. 71, 73). Въ Румыніи избиратели созываются въ теченіе 2 мѣсяцевъ (ст. 95). Въ Германіи и Пруссіи выборы назначаются въ теченіе 60 дней, созывъ парламента—90 дней (ст. ст. 25, 51). Въ Италіи палата должна быть созвана не позже, чѣмъ черезъ 4 мѣсяца.

²⁾ Matter. Тамъ же, стр. 126-129.

Казалось бы, не могло быть спора о томъ, что и къ указу о роспускѣ парламента примѣняется общее для всѣхъ другихъ актовъ главы государства требованіе контрасигнированія министровъ, обусловливающаго законную ихъ силу. По крайней мѣрѣ, ни въ одной конституціи нѣтъ упоминанія о томъ, чтобы для указа о роспускѣ дѣлалось исключеніе¹⁾. А, слѣдовательно, не должно бы возникать сомнѣній и въ примѣнимости и къ акту роспуска начала ответственности министровъ, формальное основаніе которой дается, именно, ихъ скрѣпой. Между тѣмъ, въ литературѣ такія сомнѣнія не разъ высказывались.

Здѣсь, собственно говоря, намѣчаются два теченія политической мысли. Одно идетъ отъ Монтескье. Въ знаменитой шестой главѣ XI книги «Духа законовъ» онъ утверждаетъ, что исполнительная власть должна имѣть право «останавливать предпріятія законодательнаго собранія»; безъ этого послѣднее было бы «деспотическимъ», такъ какъ могло бы стать всемогущимъ и «уничтожить всѣ другія власти»²⁾. Поскольку, отправляясь отъ этого положенія, право роспуска рассматривали, какъ атрибутъ исполнительной власти, сомнѣній въ томъ, что оно можетъ осуществляться только при участіи и подъ отвѣтственностью министровъ и не возбуждали. Контрасигнированіе и отвѣтственность министровъ за всѣ акты исполнительной власти—непререкаемый догматъ конституціонализма. Но, начиная съ первой четверти XIX вѣка, право роспуска стали конструировать иначе, подъ влияніемъ французской хартіи и новой конституціонной теоріи Бенжамена Констана, въ которыхъ воскресало старое ученіе Локка о «пре-рогативѣ», какъ самостоятельной отрасли власти. Хартія 1814 года, наряду съ властями законодательной и исполнительной, упоминала о новой «уравновѣшивающей» власти, предоставленной единственно королю. Графъ Ланжюна, участвовавшій въ редактированіи этого конституціоннаго акта и впослѣдствіи написавшій комментарий къ нему, характеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ. «Для охраненія правильной свободы, необходима власть посредствующая, руководящая, въ извѣстномъ смыслѣ нейтральная, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ абсолютная, наконецъ, безотвѣтственная; власть, которая предупреждаетъ или прекращаетъ всякія пагубныя столкновенія, которая поддерживаетъ или возстановляетъ необходимую гармонію между высшими органами»³⁾. Къ компетенціи этой власти и относились назначеніе неопредѣленнаго числа пэровъ, созывъ и пріостановленіе сессіи палатъ, право помилованія и смягченія наказаній и, наконецъ, право роспуска нижней палаты. Въ

¹⁾ Въ Греціи конституція, напротивъ, опредѣленно требуетъ скрѣпы министра (ст. 37), а въ Сербіи даже всѣхъ министровъ (ст. 54).

²⁾ Esprit des Lois; Librairie de Paris, стр. 133.

³⁾ Matter. Тамъ же, стр. 65.

системѣ Бенжамена Констана эти разсужденія получаютъ уже теоретическое обоснованіе. Констанъ различаетъ въ конституціонной монархіи пять властей: королевскую, исполнительную, двѣ вѣтви власти представительной («постоянства» и «мнѣнія») и судебную. Особо важное значеніе онъ придавалъ отграниченію королевской власти отъ исполнительной. Власть исполнительная принадлежитъ министрамъ. Они въ такой степени суть органы исполненія, что монархъ не можетъ предпринять ничего активнаго иначе, какъ чрезъ ихъ посредство. Едва лишь предстоить активное дѣйствіе или инициатива такового, министры обязаны выступить впередъ, чтобы пререканія и осужденія не могли коснуться личности главы государства. Власть исполнительная, вмѣстѣ съ законодательной и судебной, образуетъ тѣ три элемента, совмѣстною дѣятельностью которыхъ обусловлено движеніе государственной жизни. И вотъ, когда эти три элемента, вмѣсто того, чтобы дружно работать, сталкиваются, становятся другъ другу попереку дороги, оказывается совершенно необходимымъ еще одинъ элементъ, сила нейтральная, указывающая каждому изъ нихъ свое мѣсто. Эту силу создаетъ конституціонный строй въ королевской власти, имѣющей право лишать власти людей и собранія, которые не могли бы функционировать дальше безъ опасности для государства. Такъ описывалъ Констанъ наиболѣе существенныя изъ тѣхъ «благородныхъ, возвышенныхъ, прекрасныхъ прерогативъ», которыя его монархъ могъ осуществлять вполне самостоятельно.¹⁾

Конституціонная теорія и практика за время, прошедшее отъ написанія Констаномъ его «Принциповъ политики», совершенно разрушили его аргументацію. Сфера примѣненія принципа обязательности для монарха дѣйствовать при участіи отвѣтственныхъ министровъ неизмѣнно расширяется; свобода монарха въ осуществленіи его «благородныхъ, прекрасныхъ, возвышенныхъ прерогативъ» неизмѣнно ограничивается. Но нѣтъ недостатка и въ отзвукахъ мыслей Констана. Въ частности, у итальянскихъ публицистовъ нерѣдко встрѣчается почти дословное воспроизведеніе теорій, идущихъ отъ старо-англійскаго ученія о «прерогативѣ». Такъ, Пальма относитъ къ ней «командованіе воинскими силами, созывъ и роспускъ палатъ, назначеніе министровъ, право помилованія»²⁾. А Бруза строить на ней всю доктрину отвѣтственности министровъ, утверждая, что «министры не отвѣтственны за акты, зависящіе отъ королевской прерогативы, которые король принимаетъ въ силу ея; но отвѣтственны за всѣ прочіе»³⁾. Въ

существѣ та же мысль лежитъ и въ основѣ нѣмецкой доктрины, отрицательно относящейся къ ученію о раздѣленіи властей, между прочимъ, и потому, что категорія исполнительной власти не покрываетъ всѣхъ разновидностей правительственныхъ актовъ. Не конструируя ad hoc лишней власти, она просто констатируетъ существованіе такой отрасли правительственной дѣятельности, которая кореннымъ образомъ отличается отъ функціи «исполненія», и двѣ эти разнородныхъ функціи обозначаетъ терминами «правительство» (Regierung) и «администрація», «исполненіе» (Verwaltung, Vollziehung¹⁾). Но изъ перечисленія правъ, относящихся къ «правительственной» компетенціи, несомнѣнно явствуется, что «правительство» нѣмецкой школы есть та же «прерогатива». Это — «вся область полномочій правительства, по отношенію къ палатамъ, назначеніе министровъ и чиновниковъ, командованіе и распоряженіе военной силой, право помилованія, пожалованіе отличій»²⁾. Однако, ни нѣмецкіе, ни французскіе теоретики не требуютъ для актовъ «правительства» особой привилегіи безотвѣтственности. Если они и признаютъ невозможность обжалованія ихъ въ порядкѣ административной юстиціи, то, по крайней мѣрѣ, принципа отвѣтственности министровъ въ примѣненіи къ нимъ они не отрицаютъ³⁾.

А между тѣмъ, совсѣмъ недавно въ русской юридической литературѣ была сдѣлана попытка воскресить ученіе о «нейтральной» власти монарха во всей его полнотѣ, съ доктриной безотвѣтственности включительно. Профессоръ А. С. Алексѣевъ въ своей брошюрѣ: «Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства» стремится вновь теоретически обосновать необходимость раздѣленія компетенціи монарха и компетенціи правительства или министерства. Правда, авторъ отпращивается отъ иныхъ, вполне современныхъ, точекъ зрѣнія. Онъ ставитъ себѣ задачей объяснить безотвѣтственность монарха не при помощи «метаюридическихъ понятій», а «тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ монархъ среди другихъ органовъ»⁴⁾. Но выводы его всецѣло тождественны съ традиционными построеніями «прерогативы». Усматривая въ монархѣ особый органъ, долженствующій предпринимать «всѣ правительственные акты, вызываемые потребностью въ охранѣ тѣхъ неотразимыхъ и безомѣнныхъ интересовъ, которые стоятъ внѣ борьбы борющихся между собою социальныхъ и политическихъ притязаній и которые должны быть преслѣдуемы во имя безспорныхъ нуждъ государства», профессоръ Алексѣевъ такъ опредѣляетъ

¹⁾ Benjamin Constant. Principes de politique. Cours de politique constitutionnelle. Édition Laboulaye, I, стр. 12—29.

²⁾ Luigi Palma. Corso di diritto costituzionale, II, стр. 454.

³⁾ Примѣчаніе къ Casanova. Dell diritto costituzionale, II, стр. 39.

¹⁾ У французскихъ авторовъ этимъ терминамъ соотвѣтствуютъ: „actes de gouvernement“ и „actes d'administration“.

²⁾ Jellinek. Das Recht des modernen Staates, I, стр. 565.

³⁾ Названное сочиненіе, Москва, 1907, стр. 11.

⁴⁾ Esmein. Elements de droit constitutionnel, 1896, стр. 622; Hauriou. Précis du droit administratif, 1897, стр. 282.

сферу его «свободной и безответственной деятельности». «Вопросы внешней политики, насколько съ ними связаны интересы безопасности государства, — объявление войны, заключение мира, главнокомандование армией, съ одной стороны, назначение и увольнение министровъ, созывъ и роспускъ парламента — съ другой». «Всѣ акты, совершаемые въ этой области, суть акты монарха и ничьему контролю не подлежатъ». — «Министръ, контрасигнируя эти акты, не беретъ за нихъ ответственности передъ парламентомъ. Скрѣпа министромъ этихъ актовъ удостоверяетъ лишь ихъ подлинность и ихъ формальную законность, то-есть ручается за то, что этотъ актъ есть, дѣйствительно, актъ монарха, и что онъ состоялся при соблюденіи требуемыхъ закономъ формъ». — «Министръ, подписывающій актъ короля объ его увольненіи и назначеніи ему преемника, не беретъ на себя ответственности за согласованность этого акта съ интересами государства, а лишь скрѣпляетъ его формальную силу. Правительственный актъ, которымъ распускается парламента, какъ актъ безответственного монарха, никогда не можетъ быть предметомъ обсуждения по существу въ этомъ парламенте» ¹⁾.

Последнее положеніе при его категоричности вызываетъ недоразумѣніе. Если понимать его, какъ *prim desiderium* на будущее, о немъ можно спорить. Но иначе обстоитъ дѣло по части настоящаго и прошедшаго, такъ какъ акты роспуска подвергались и подвергаются обсужденію по существу, и контрасигнирующіе ихъ министры несутъ отвѣтъ передъ парламентомъ не только по вопросу ихъ формальной законности, но и ихъ целесообразности и, такъ сказать, «материальной конституционности». За обѣими палатами англійскаго парламента искони признается даже право «въ адресѣ обращаться къ коронѣ съ просьбой не распускать палаты общинъ» и, вообще, обсуждать только еще предстоящій роспускъ. И конституціонная исторія Англій знаетъ примѣры такого рода обсужденія. Достаточно назвать продолжительные дебаты 1868 года между министромъ-президентомъ Дизраэли и лидерами оппозиціи Гладстономъ и графомъ Грэмъ, когда министръ-президентъ сообщилъ парламенту, что кабинетъ далъ совѣтъ королевѣ распустить палату общинъ и доказывалъ конституционность этого совѣта, а ораторы оппозиціи возражали противъ роспуска, находя, что отсутствуютъ достаточныя для него основанія ²⁾. Правда, съ теченіемъ времени возобладало мнѣніе, что болѣе желательно невмѣ-

шательство парламента въ пользованіе монархомъ его правомъ апеллировать къ странѣ. Но отъ этого невмѣшательства въ предстоящій предполагаемый роспускъ далеко до неприкосновенности, безответственности за роспускъ совершившагося. Парламентъ никогда не отказывалъ себѣ въ правѣ въ отвѣтномъ на тронную рѣчь адресѣ высказать свое мнѣніе о роспускѣ ¹⁾. И если нельзя привести соответствующихъ примѣровъ изъ новѣйшей практики, то только потому, что за послѣднія десятилѣтія парламентарная система работаетъ въ Англій съ удвоенною чуткостью. Какъ только выясняются результаты выборовъ, «свободный» актъ королевской власти производитъ необходимую смѣну кабинета, и при открытіи сессіи парламента гармонія между нимъ и правительствомъ оказывается возстановленной. То же самое нужно сказать и о другихъ государствахъ. Не говоря уже о Франціи, гдѣ самый республиканскій строй исключаетъ возможность безответственныхъ актовъ правительства ²⁾, даже въ дуалистическихъ монархіяхъ Германіи министры не уклоняются отъ принятія на себя ответственности за роспускъ парламента и даютъ палатамъ объясненія объ условіяхъ и причинахъ его, а палаты критикуютъ и обсуждаютъ эти объясненія по существу. Не далѣе, какъ въ февралѣ этого года въ германскомъ рейхстагѣ роспускъ рейхстага 13 декабря 1906 года былъ подвергнутъ самому детальному разсмотрѣнію. Рѣчи лидера центра — Шпана, національ-либерала Бассермана и имперскаго канцлера Булова въ засѣданіи 25 февраля и въ засѣданіи 28 февраля — рѣчи депутата центра Гребера и замѣстителя канцлера графа Посадовскаго въ достаточной мѣрѣ убѣждаютъ въ томъ, что акты роспуска вполне свободно и правомѣрно обсуждаются въ парламентахъ по существу ³⁾.

При такихъ условіяхъ вопросъ о «безответственности» осуществленіи права роспуска рѣшается самъ собою. Акты монарха, которыми онъ осуществляетъ это право, какъ и всѣ иные его акты, совершаются имъ при участіи и подъ ответственностью министровъ. За правонарушенія въ формальной ихъ сторонѣ министры могутъ быть привлекаемы къ ответственности въ порядкѣ особаго уголовного процесса, называемаго «уголовной ответственностью министровъ». Но, контрасигнируя ихъ, они принимаютъ на себя и политическую за нихъ ответственность, то есть обязанность въ каждый данный моментъ дать парламенту отчетъ въ ихъ конституцион-

¹⁾ Названное сочиненіе, стр. 47—48.

²⁾ Todd. Die parlamentarische Regierung in England, übersetzt von Assmann, II стр. 345—348.

¹⁾ Todd. Тамъ же, I, стр. 107.

²⁾ Esmein. Тамъ же, стр. 22.

³⁾ Stenographische Berichte des deutschen Reichstages. 1907. Verhandlungen, стр. 15 — 38 и 119—139.

ности и цѣлесообразности ¹⁾. Въ сравненіи съ этимъ результатомъ, вопросы конституціонной номенклатуры и архитектоники не такъ существенны. Пусть эти акты будутъ актами «правительства» или «прерогативы», эманацией особой «уравновѣшивающей» власти. Важно то, что они никакими привилегіями не пользуются, и что всегда имѣются лица, обязанныя держать за нихъ отвѣтъ передъ представителями народа. Одна изъ наиболее цвѣтистыхъ и замысловатыхъ конституцій, надъ изысканными постановленіями которой сыграли такую злую шутку недавнія событія, — конституція Португаліи нашла счастливую формулу для сочетанія доктрины «уравновѣшивающей» власти съ началомъ отвѣтственности министровъ. «Уравновѣшивающая власть, гласитъ ея 71 статья, является основою всякой политической организаци и принадлежитъ исключительно королю, какъ верховному главѣ націи, дабы онъ непрерывно могъ заботиться о независимости, согласіи и гармоніи остальныхъ властей». И 74 статья добавляетъ: «король осуществляетъ свою уравновѣшивающую власть подъ отвѣтственностью своихъ министровъ:... распуская палату депутатовъ и выборную часть палаты пэровъ, когда этого требуетъ благо государства».

Этотъ результатъ имѣетъ далеко не одно академическое, доктринарное значеніе. Если роспускъ парламента есть абсолютно свободный актъ монарха, за который никто отвѣтственности не несетъ, онъ можетъ прибѣгать къ нему, когда ему угодно, при какихъ угодно условіяхъ. Все это будетъ защищено безотвѣтственностью и дискреціонностью его полномочій. Иначе, разъ всѣ эти моменты будутъ обсуждаться и оцѣниваться представителями народа. Изъ этихъ сужденій медленно, но неизбежно выработаются нормы, правила, которыя одни назовутъ конституціонной «моралью», другіе — конституціонными «соглашеніями», третьи — обычнымъ конституціоннымъ правомъ, но которыя, какъ бы они ни назывались, ограничатъ произволъ монарха и создадутъ прочные масштабы для оцѣнки дальнѣйшихъ его «свободныхъ» актовъ. Конституціонная практика западныхъ государствъ уже взростила такія нормы. Для нея уже не всякое пользованіе правомъ роспуска, хотя бы и соответствующее формальнымъ велѣніямъ закона, «конституціонно». На ряду со статьями конституціи, дающими монарху, повидимому, дискреціонныя права, она знаетъ еще и другія, быть можетъ, не закрѣпленныя на бумагѣ, но живу-

щія въ сознаніи народа, начала, пренебреженіе которыми, даже и въ законныхъ формулахъ, воспринимается, какъ нарушающее, если не оболочку, то самое сокровенное содержаніе представительнаго правопорядка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Соколовъ.

Матеріальныя границы мѣстнаго суда и его организація

(Продолженіе). ¹⁾.

III.

Подъ юридической квалификаціей надо разумѣть оцѣнку какихъ либо фактовъ съ точки зрѣнія какихъ либо, прилагаемыхъ къ нимъ, юридическихъ критеріевъ. Факты совершились, — но правомѣрно ли они совершились — вотъ вопросъ, который по отношенію къ нимъ долженъ быть рѣшенъ юридической квалификаціей, и онъ рѣшается путемъ сопоставленія фактовъ съ источниками долженствованій, получающими для нихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ юридическое значеніе. Этихъ источниковъ долженствованій, получающихъ въ дѣятельности судовъ юридическое, т. е. обязательное значеніе, не слѣдуетъ смѣшивать съ источниками права въ обычномъ, формальномъ смыслѣ слова. Источники права въ формальномъ смыслѣ слова, т. е. законъ, обычай, судебная практика вовсе не всегда даютъ въ своемъ содержаніи тѣ окончательныя, т. е. матеріальныя критеріи, которыя найдутъ себѣ примѣненіе при юридической квалификаціи фактовъ. Нерѣдко законъ или иной источникъ права даетъ только ту рамку, въ которую, по его же собственному желанію, долженъ быть вставленъ подлинный критерій, опредѣляющій собою сужденіе о правомѣрности фактовъ. Такъ, законъ можетъ давать просторъ такъ называемому усмотрѣнію суда, полагая (и не напрасно), что это „усмотрѣніе“ дастъ болѣе тонкую справедливость, чѣмъ это могъ бы сдѣлать онъ самъ, не имѣя возможности согласовать своихъ велѣній съ заранѣе ему неизвѣстными особенностями конкретныхъ случаевъ. Наибольшій просторъ этому усмотрѣнію дается въ судѣ присяжныхъ при рѣшеніи ими вопроса о „виновности“: какъ извѣстно, присяжные, отвѣчая на этотъ вопросъ, не обязаны даже мотивировать своего приговора, т. е. даваемая ими юридическая квали-

¹⁾ Этотъ же тезисъ нетрудно было бы доказать и по отношенію къ другимъ полномочіямъ монарха, традиціонно причисляемымъ къ его „прерогативѣ“. Въ частности, по вопросу объ увольненіи и назначеніи министровъ см. К. Н. Соколовъ: „Этюды о парламентаризмѣ“, „Вѣстникъ Права“, 1906 г., книга 3, глава IV, и исчерпывающія замѣчанія у Н. v. Frisch. Die Verantwortlichkeit der Monarchen und höchsten Magistrate, 1904, стр. 338—341.

¹⁾ См. „Право“, № 30.

фикація не только оказывается въ зависимости отъ тѣхъ критеріевъ виновности, которые указаны не въ законѣ, а въ совѣсти присяжныхъ, но примѣненія этихъ послѣднихъ не хотятъ даже смущать самымъ воспоминаніемъ о законныхъ критеріяхъ. Въ гражданскихъ законахъ сплошь и рядомъ дается указаніе на примѣненіе того своеобразнаго критерія, который у римлянъ примѣнялся „*bona fides*“ и который въ нашемъ законѣ именуется такъ же: „добрая совѣсть“ (у нѣмцевъ — *treue Glauben*).

Съ наибольшей откровенностью и рѣшительностью указаль на эти „виѣзаконные“ критеріи, долженствующіе получать примѣненіе при юридической квалификаціи фактовъ въ судахъ, новый швейцарскій проектъ гражданского уложенія. Онъ рекомендуетъ судьямъ при рѣшеніи дѣлъ примѣнять, конечно, прежде всего законъ; но если бы указанія закона, какъ надо рѣшить данное дѣло, отсутствовали, то примѣненію подлежатъ обычай или обыкновеніе; если бы послѣднихъ не имѣлось, то дѣло должно быть рѣшено по справедливости; наконецъ, если бы являлось затруднительнымъ, на примѣръ, по новизнѣ случая, вполне увѣренно сказать, что именно надо признать въ данномъ конкретномъ случаѣ справедливымъ, то проектъ рекомендуетъ судьямъ разрѣшить дѣло по тому правилу, какое онъ самъ призналъ бы нужнымъ установить для рѣшенія подобныхъ случаевъ, если бы онъ „былъ законодателемъ“.

Такимъ образомъ, подъ „юридической квалификаціей“ не слѣдуетъ разумѣть примѣненія къ разбираемымъ конкретнымъ случаямъ только „источниковъ права“ въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. закона, обычая или судебного прецедента. Такое пониманіе ея было бы слишкомъ узкимъ и формальнымъ, ибо въ рамкахъ самихъ этихъ „источниковъ права“ находятъ себѣ мѣсто и другіе весьма важные критеріи, которые и опредѣляютъ собою рѣшеніе вопроса о правомѣрности какихъ либо конкретныхъ фактовъ по существу. А изъ этого вытекаетъ, что и самыя различія въ „юридической квалификаціи“ могутъ имѣть своимъ источникомъ не только различія въ законѣ, обычномъ правѣ или судебной практикѣ, какъ таковыхъ, но и въ тѣхъ критеріяхъ, мѣсто которымъ открываютъ въ судахъ эти формальные „источники права“.

Послѣ этихъ необходимыхъ для насъ предварительныхъ замѣчаній о существѣ и возможныхъ особенностяхъ того, что именуется „юридической квалификаціей“ фактовъ, мы можемъ обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію процесса юридической квалификаціи дѣлъ въ гражданскихъ судахъ.

Весьма важной особенностью того матеріальнаго права, по сравненію съ правомъ уго-

ловнымъ или публичнымъ, вообще, которое примѣняютъ гражданскіе суды (право частное или гражданское) является то, что въ рамкахъ этого права дается мѣсто, такъ называемой, частной волѣ гражданъ. Въ сферѣ гражданского права государство, какъ бы, не задается своими собственными цѣлями, а потому и не вкладываетъ въ нее своей публичной воли. Или, правильнѣе сказать, въ него эта публичная воля вложена, но ея главное и основное содержаніе заключается въ томъ, что она просто соизволяетъ на то, чтобы въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ получила въ государствѣ юридическое, т. е. обязательное значеніе воля частная, совершенно односторонняя (какъ, на примѣръ, въ духовныхъ завѣщаніяхъ), или двусторонняя (многосторонняя) (какъ въ договорахъ).

Гражданское право предоставляетъ гражданамъ, притомъ, какъ отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ, то, что именуютъ „частной автономіей“. Въ этомъ отношеніи оно вполне аналогично, на примѣръ, земскому или городскому положенію, которыя также въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, предоставляютъ такимъ коллективнымъ единицамъ, какъ земства или города, но уже въ качествѣ публичныхъ учреждений, составлять и выражать по извѣстнымъ предметамъ свою „автономную“ волю, которая и получаетъ обязательную силу. Юридическая сущность „автономіи“ и тамъ и здѣсь одна и та же, и она заключается въ томъ, что верховная въ государствѣ законодательная воля соглашается или соизволяетъ на то, чтобы наряду съ ней самой, получала въ извѣстныхъ сферахъ жизни обязательное значеніе воля, составленная независимо отъ нея. И съ этой точки зрѣнія не только какое-нибудь „обязательное постановленіе“ городской думы или земскаго собранія должно быть исполняемо, какъ законъ, но и всякій составленный въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, договоръ или духовное завѣщаніе, представляетъ по своей юридической силѣ тотъ же законъ, но только законъ частный, *lex privata*, какъ выражались римскіе юристы. Вслѣдствіе этого и то гражданское право, которое имѣетъ свое мѣсто въ гражданскихъ уложеніяхъ, представляетъ собою, по своему внутреннему смыслу, какъ бы публичную „конституцію“ для той „частной воли“, которая, такимъ образомъ, уполномочивается къ изданію своихъ собственныхъ „частныхъ законовъ“. А именно оно указываетъ во 1) въ какихъ предѣлахъ и въ какихъ сферахъ „частная“ воля получаетъ свою „автономію“ (въ имущественной и въ семейной сферахъ); во 2) каковы должны быть качества самой этой воли, чтобы она получила доступъ къ автономіи (условія правоспособности и дѣеспособности лицъ); въ 3) въ какихъ формахъ

могутъ быть издаваемы „частной“ волей ея „частные законы“ (условія для совершенія и юридической силы сдѣлокъ), и пр., и пр. Какъ извѣстно, наряду съ постановленіями, дающими только тѣ законныя условія, въ которыхъ этой частной волѣ предоставляется проявляться и двигаться, гражданское право содержитъ въ себѣ и свою особую, по содержанію „матеріальную“ волю (достаточно вспомнить, напр., о „законномъ“ порядкѣ наслѣдованія, поскольку онъ исключаетъ порядокъ „завѣщательный“), или выражаясь техническимъ языкомъ, наряду съ *jus dispositivum*, гражданское право содержитъ въ себѣ и настоящее, матеріальное по своему содержанію, *jus cogens*,—но, во всякомъ случаѣ, это послѣднее стоитъ здѣсь на второмъ планѣ и играетъ второстепенную, а не главную роль.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что юридическая квалификація гражданскихъ дѣлъ весьма существенно отличается отъ такой же въ дѣлахъ уголовныхъ и административныхъ. Въ дѣлахъ уголовныхъ и административныхъ источникомъ квалификаціи является воля публичная, воля самого закона. Въ дѣлахъ гражданскихъ при этой квалификаціи приходится считаться, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съ двумя волями: съ волей самого закона и съ волей частныхъ лицъ. Сквозь волю закона здѣсь приходится добираться до воли частныхъ лицъ и только въ послѣдней получить настоящій, матеріальный источникъ юридической квалификаціи фактовъ. Повторяю: значеніе частной воли въ гражданскихъ дѣлахъ не исключительное, а только преимущественное по сравненію съ волей публичной; кромѣ того, не во всѣхъ дѣлахъ ея роль одинакова, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ она можетъ даже совсѣмъ отсутствовать,—но при общей и массовой оцѣнкѣ характера юридической квалификаціи въ гражданскихъ дѣлахъ нельзя не выдвинуть ее на первый планъ и не отмѣтить того чрезвычайно важнаго факта, что юридическая квалификація въ гражданскихъ судахъ должна считаться прежде всего и больше всего съ „частной“ волей и съ исходящими отъ нея „частными“ законами. Для насъ, въ нашемъ настоящемъ изложеніи, этотъ фактъ имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что, высказавъ въ предыдущемъ общее положеніе о томъ, что различное устройство судовъ зависитъ отъ разницы въ характерѣ производимой ими юридической квалификаціи фактовъ, а не отъ разницы въ самихъ фактахъ, мы здѣсь должны къ этому прибавить, что раздвоеніе гражданской юстиціи на общую и мировую (мѣстную) мы ставимъ въ прямую зависимость отъ квалификаціи гражданскихъ дѣлъ, поскольку она зависитъ именно отъ „частной“ воли гражданъ, а не отъ „публичной“ воли самого гражданского закона. Именно „частная“ воля въ

гражданскихъ дѣлахъ, попадающихъ, съ одной стороны, въ общіе суды, а, съ другой, въ суды мѣстные,—настолько разнится по своему характеру въ обоихъ случаяхъ, что для успешнаго разбора каждой изъ этихъ категорій дѣлъ приходится организовать особую вѣтвь юстиціи,—одну для дѣлъ малоцѣнныхъ, а другую для дѣлъ (много) цѣнныхъ. Разъясненіе и доказательство этого основного для насъ положенія и введетъ насъ *in medias res* всей нашей темы.

IV.

Итакъ, будемъ имѣть въ виду типичный для гражданской юстиціи случай, когда суду приходится устанавливать юридическую квалификацію такихъ фактовъ и отношеній, въ которыхъ преимущественную, или даже почти исключительную роль сыграла частная воля участниковъ этихъ отношеній. Въ какомъ же отношеніи можетъ сказаться разница въ характерѣ этой частной воли, въ зависимости отъ того, приходится ли ей проявляться въ дѣлахъ малоцѣнныхъ, или въ дѣлахъ (много) цѣнныхъ? и есть ли какія либо серьезныя и общія основанія непременно ожидать этой разницы?

На этотъ послѣдній вопросъ мы именно и отвѣчаемъ утвердительно.

Та «воля», которая должна послужить источникомъ или критеріемъ юридической квалификаціи фактовъ,—и притомъ безразлично, будетъ ли это воля «публичная» или «частная»—представляетъ собою, въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ, нѣчто конкретное, а не совершенно абстрактное. Чтобы играть свою роль юридическаго критерія она должна выразиться въ какихъ либо положеніяхъ, которыя высказываютъ по адресу будущихъ событій извѣстныя долженствованія. Въ законѣ, обычаѣ, или даже въ тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя извлекаются изъ судебныхъ прецедентовъ, эти долженствованія имѣютъ, обыкновенно, болѣе или менѣе общій характеръ; наоборотъ, въ гражданскихъ сдѣлкахъ они, чаще всего, имѣютъ совершенно казуистическій характеръ,—они выставляютъ не общія правила, а предусматриваютъ опредѣленные, частные случаи;—но какъ бы то ни было, а всякое волеизъявленіе будетъ ли оно публичнымъ, или частнымъ, будетъ ли оно стремиться захватить своимъ содержаніемъ массы случаевъ, или только отдѣльные случаи, само всегда и прежде всего представляетъ собою извѣстный психологическій фактъ, который можетъ имѣть различныя свойства и, соотвѣтственно этому хорошо или дурно, играть предназначенную ему роль. Наиболѣе заботливо и тщательно, какъ извѣстно, составляются нормы законодательныя; при ихъ редактированіи употребляются всѣ усилія къ тому, чтобы очистить ихъ

отъ всего лишняго,—отъ всего того, что является, такъ сказать, только психологическимъ отпечаткомъ обстоятельствъ времени и свойства тѣхъ, кто составляетъ и издаетъ законы. Законы стремятся редактировать такъ, чтобы изъ нихъ слышался только сухой и абстрактный голосъ одного чистаго велѣнія, хорошо сознающаго все, чего оно хочетъ, и не желающаго прибавить къ этому ничего, что прямо не входитъ въ его намѣренія. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти усиляя, всякая законодательная норма, все же остается психологическимъ фактомъ, тѣсно связаннымъ и со своимъ временемъ и со своими авторами, изъ котораго потомъ, путемъ его толкованія, приходится извлекать его чистое юридическое содержаніе. Но если все это относится даже къ публичной волѣ, воплощающейся въ нормахъ закона, то насколько же больше это должно быть справедливо по отношенію къ „частнымъ законамъ“, исходящимъ отъ отдѣльныхъ, частныхъ лицъ. Вѣдь, здѣсь что ни сдѣлка, то своя отдѣльная „психологія“! И если „публичная воля“ при своемъ воплощеніи въ законы проходитъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, черезъ рядъ законодательныхъ учрежденій, выдѣляющихъ изъ себя, къ тому же, спеціальныя редакціонныя комиссіи,—то, вѣдь, „частная воля“ можетъ воплощаться въ свои „частные“ законы, такъ сказать, *à naturel*, во всей своей неприкосновенности, почему и эти „законы“ могутъ являться не только фактами „психологическими“, но и „сырыми“, „обывательскими“ фактами. А разъ это такъ, то и процессъ юридической квалификаціи, поскольку онъ долженъ опираться на „частную волю“, не можетъ не стоять въ зависимости отъ ея „психологическихъ, обывательскихъ“ свойствъ. Совершая эту юридическую квалификацію, придется черезъ обывательскую психологію частной воли добираться до ея подлиннаго юридическаго содержанія.

Итакъ, вотъ весьма важный фактъ, который донинѣ мало принимался во вниманіе, какъ въ теоріи самого гражданскаго права, такъ и въ теоріи гражданскаго судопроизводства: всякая гражданская сдѣлка бываетъ всегда связана съ извѣстной психологической, обывательской оболочкой, сквозь которую приходится добираться до ея юридическаго содержанія. Правда, эта психологическая оболочка имѣется даже у законодательныхъ нормъ, но она здѣсь, такъ сказать, гораздо тоньше и гораздо прозрачнѣе. Она несомнѣнно меньше закрываетъ собою это юридическое содержаніе, чѣмъ въ законахъ „частныхъ“.

Наличность указанной обывательской, психологической оболочки въ частныхъ сдѣлкахъ является весьма невыгодной для самихъ частныхъ лицъ. По поводу каждой сдѣлки, при ея реализаціи или при отказѣ отъ ея реализаціи,

возможенъ, конечно, споръ. Эти споры будутъ разбираться судьями, для которыхъ „психологія“ заключающихъ сдѣлку, попавшая въ самую сдѣлку, будетъ помѣхой, препятствіемъ къ тому, чтобы добраться до ея подлиннаго юридическаго содержанія. Конечно, препятствіе можетъ быть и побѣждено, но, вѣдь, не всегда это можетъ случиться, или, по крайней мѣрѣ, не всегда въ полной мѣрѣ. Такимъ образомъ, значительная примѣсь „психологій“ въ сдѣлкѣ, закутывающая и отягчающая собою ея юридическое содержаніе, можетъ оказаться причиной невозможности добраться въ ней до этого юридическаго содержанія, — иными словами, можетъ стать причиной невозможности получить и дать правосудіе участникамъ этой сдѣлки. Съ этой точки зрѣнія „психологическую“ примѣсь въ сдѣлкахъ, тѣмъ болѣе, когда она переполняетъ собою ихъ содержаніе, приходится считать весьма серьезнымъ зломъ, съ которымъ надо бороться всѣми возможными средствами. И на путь этой борьбы становятся, какъ частныя лица, такъ и само государство, потому что какъ граждане, такъ и государство одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы создать и обезпечить правосудіе не только въ сферѣ преступленій, но и въ сферѣ частныхъ или гражданскихъ отношеній.

Намъ необходимо остановиться, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, на тѣхъ мѣрахъ, которыя направляются въ эту сторону, какъ самими частными лицами, заключающими сдѣлки, такъ и государствомъ, которому потомъ приходится судить эти частныя сдѣлки.

Что касается самихъ частныхъ лицъ, то для устраненія изъ своихъ „частныхъ законовъ“ вредной и затемняющей ихъ „психологіи“, они могутъ принимать (и, дѣйствительно, принимаютъ) мѣры двоякаго рода: матеріальныя и формальныя. Чтобы сдѣлать сдѣлку „чистой“, „юридической“ по существу (или по крайней мѣрѣ, для того, чтобы достигнуть, въ этомъ отношеніи, наибольшихъ результатовъ) требуются, прежде всего, при формулированіи сдѣлки, соответственныя умственные усиляя. Надо прежде всего сдѣлку „продумать“ съ ясностью и до конца. Надо точно себѣ представить, какое именно содержаніе хотите вы вложить въ данную сдѣлку, а также всѣ ея возможные эвентуальности и осложненія. Коротко говоря, надо прежде всего твердо установить въ сознаніи, „чего“ вы „хотите“. А затѣмъ то, чего вы хотите,—хорошо продуманное предположенное содержаніе сдѣлки надо облечь въ такую форму, чтобы и лицо постороннее могло, по возможности, безъ затрудненій, усмотрѣть въ формѣ именно то, что вы хотѣли вложить въ нее, какъ ея содержаніе.

Такимъ образомъ, частную волю надо хорошо составить и хорошо выразить. Это двѣ задачи вытекающія изъ самого существа дѣла, и приложеніемъ соответственныхъ уси-

лій лица, заключающія сдѣлку и издающія, такимъ образомъ, свой частный законъ, могутъ достигнуть въ этомъ отношеніи очень многого. Замѣтимъ, что если бы сами участники сдѣлки были затруднены этой, самой существенной, по отношенію къ сдѣлкѣ, работой, то они могли бы прибѣгнуть къ помощи свѣдущихъ въ этихъ дѣлахъ лицъ, каковыми могутъ быть или просто опытные дѣловые люди или же профессиональные юристы. Итакъ, одни ли или съ помощью свѣдущихъ лицъ, но именно сами участники сдѣлокъ и, притомъ, усиліями, направленными на ихъ содержаніе, или существо, могутъ съ успѣхомъ „очищать“ это содержаніе отъ ненужныхъ психологическихъ примѣсей, дѣлать его, по возможности, полнымъ или исчерпывающимъ, съ одной стороны, и исключительно юридическимъ, съ другой.

Это—усилія матеріальныя, направленные на самое существо сдѣлки. Но къ нимъ для приданія сдѣлкамъ настоящаго юридическаго облика присоединяютъ еще усилія формальныя. Представимъ себѣ, что сдѣлка хорошо продумана и даже хорошо выражена ея участниками взаимно другъ другу. Но, вѣдь, содержаніе ея въ томъ видѣ, въ какомъ она получилась, надо еще сохранить, по возможности, неприкосновеннымъ на все то время, въ теченіе котораго ей придется дѣйствовать, потому что во все это время она и должна являться источникомъ юридической qualificаціи для относящихся къ ней и ею захватываемыхъ фактовъ. Слѣдовательно, послѣ того, какъ сдѣлка, какъ таковая, составлена, ее еще надо закрѣпить, или, по терминологіи нашего законодательства, укрѣпить. Какими же средствами? Или путемъ внѣдренія содержанія сдѣлки не только въ памяти ея непосредственныхъ участниковъ, но и въ памяти нарочито привлекаемыхъ къ этому постороннихъ лицъ (свидѣтели), или путемъ письменной фиксаціи этого содержанія. Первое средство (привлеченіе свидѣтелей) исторически болѣе раннее, но за то и менѣе совершенное, второе—болѣе позднее, но за то гораздо болѣе совершенное. Нынѣшній юридическій бытъ пользуется и тѣмъ, и другимъ, но, конечно, преимущественно вторымъ, а не первымъ. Какъ видимъ, средства закрѣпленія или укрѣпленія сдѣлокъ имѣютъ своею цѣлью предохранить юридическое ихъ содержаніе отъ послѣдующаго его психологическаго утрачиванія или психологическаго загроможденія новыми переживаніями,—и, повторяемъ, къ этимъ средствамъ прибѣгаютъ прежде всего, и притомъ *proprio motu*, сами частныя лица, заключающія сдѣлки.

Но въ томъ же самомъ, по отношенію къ сдѣлкамъ частныхъ лицъ, заинтересовано также государство, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ какъ оно беретъ на себя задачу судить эти

сдѣлки и давать имъ принудительное осуществленіе собственными средствами. Давая судъ, государство должно при этомъ добираться до юридическаго содержанія сдѣлокъ, а давая, послѣ судебного разбора, принудительное осуществленіе сдѣлкамъ, оно заинтересовано въ томъ, чтобы предоставлять себя къ услугамъ несомнѣннаго, хорошо установленнаго права. И, вотъ, мы видимъ, что само государство прежде, чѣмъ частныя сдѣлки попадутъ въ его руки на пути суда и исполненія, уже принимаетъ мѣры къ тому, чтобы судъ былъ не безплоднымъ. Но къ какимъ же мѣрамъ для достиженія желаемаго можетъ прибѣгнуть здѣсь государство? Мы видѣли, что частныя лица, для того, чтобы сдѣлка была по возможности „юридической“, и осталась таковой, прибѣгаютъ къ мѣрамъ, съ одной стороны, матеріальнымъ, съ другой стороны, формальнымъ. Ясно, что для государства могутъ быть прямо доступны только мѣры формальныя,—что только въ ихъ сферѣ оно можетъ выставить передъ гражданами прямыя требованія и настаивать на ихъ исполненіи. Что же касается правильнаго образованія сдѣлки по существу, чтобы она была участниками сдѣлки хорошо и до конца продумана; чтобы участники сдѣлки отчетливо уяснили самимъ себѣ и выразили другъ другу чего именно они хотятъ; чтобы въ случаѣ собственной неопытности они прибѣгли къ помощи свѣдущихъ лицъ,—возводить въ законъ все эти благія пожеланія и предъявлять ихъ въ видѣ требованій отъ имени государства частнымъ лицамъ—было бы, по меньшей мѣрѣ, бесполезно. Если хотятъ и умѣютъ, граждане сами объ этомъ позаботятся; если не хотятъ или не умѣютъ, принудить ихъ къ этому невозможно. Если въ этой сферѣ и умѣстны были бы какія-либо мѣры со стороны государства, то только косвенно побуждающія, а не прямо требующія.

Но зато послѣ того, какъ граждане, какъ хотятъ и какъ умѣютъ, составили свои сдѣлки, государство можетъ—и оно, дѣйствительно, вступаетъ на этотъ путь—требовать отъ нихъ, чтобы они закрѣпляли или укрѣпляли содержаніе ихъ опредѣленными средствами: чтобы они привлекали къ совершенію сдѣлокъ свидѣтелей; чтобы они облакали ихъ въ письменную форму, притомъ простую, или квалифицированную; наконецъ, чтобы они дѣлали и то, и другое. Я выше замѣтилъ, что новый юридическій бытъ все больше отодвигаетъ, свидѣтелей въ гражданскихъ сдѣлкахъ на второй планъ или даже совсѣмъ отказывается отъ ихъ услугъ, предпочитая имъ письменную фиксацію сдѣлокъ. Но зато усиленно заботясь объ этой послѣдней, объ ея правильности и достовѣрности, онъ осложняетъ ея совершеніе участіемъ особыхъ, полуофициальныхъ, во всякомъ случаѣ, квалифицирован-

ныхъ лицъ, образующихъ своею совокупностью и дѣятельностью учрежденіе, такъ называемаго, нотаріата. Когда этотъ нотаріатъ учрежденъ, то граждане могутъ добровольно предъявлять ему свои сдѣлки въ письменномъ видѣ или даже совершать ихъ при его прямомъ и непосредственномъ участіи. Съ другой стороны, для нѣкоторыхъ разрядовъ сдѣлокъ, государство можетъ требовать отъ гражданъ или явки ихъ въ нотаріатъ, или даже ихъ совершенія въ немъ и при его участіи. Последнее, въ свою очередь, можетъ быть еще осложнено кваліфицированнымъ участіемъ нотаріата (или даже органовъ судебныхъ), какъ въ сдѣлкахъ, касающихся важнѣйшей категоріи гражданскихъ правъ, а именно вещныхъ правъ на недвижимыя имущества.

Мы видимъ, что какъ сами частныя лица, такъ и государство, могутъ принимать цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобы облекать сдѣлки („частныя законы“) въ возможно болѣе точную и опредѣленную юридическую форму, очищая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое ихъ содержаніе отъ всякихъ не-юридическихъ примѣсей. Все это — мѣры, направленные на „преодоленіе“ (какъ любятъ теперь выражаться въ философскихъ изслѣдованіяхъ) обывательской психологіи, поскольку она вторгается въ „частную“ законодательную дѣятельность и лишаетъ ее надлежащихъ „юридическихъ“ качествъ. Замѣтимъ, что это стремленіе придать „частной волѣ“, поскольку ей предоставлено быть источникомъ юридическихъ правъ и обязанностей, чисто юридическій обликъ, очистить ее отъ всего ненужнаго и ее затемняющаго, — такъ практически важно и такъ настойчиво, что оно прорывается и многими другими путями, а не тѣми только, которые мною указаны выше. И такъ какъ все то, что возникаетъ на почвѣ этого стремленія, имѣетъ серьезную важность для той спеціальной темы, которую я здѣсь трактую, то я позволю себѣ (хотя и самымъ краткимъ образомъ) остановиться еще на нѣкоторыхъ, сюда относящихся, явленіяхъ.

Совершенно ясно, что наибольшая примѣсь, съ одной стороны, лишняго, а, съ другой стороны, недоговореннаго будетъ въ тѣхъ сдѣлкахъ, которыя возникаютъ въ юридическомъ быту впервые, на почвѣ какихъ либо новыхъ отношеній. Здѣсь тѣмъ, кто впервые заключаетъ подобныя сдѣлки, приходится ихъ, какъ бы „изобрѣтать“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялъ знаменитый французскій соціологъ Тардъ. Во всякомъ случаѣ при этомъ требуется трудная „творческая“ работа, которая всегда ждетъ своего „генія“ и хорошо удается только последнему. Но зато послѣ того, какъ „геній“ нашелся, послѣ того, какъ сдѣлка извѣстнаго рода кѣмъ-либо удачно формулирована, она въ этой своей формулировкѣ, какъ и все въ социальномъ мірѣ, ста-

новится предметомъ „подражанія“ со стороны другихъ. Образуется „типъ“, ходячій „формуляръ“ сдѣлки, и всѣ, кому надо заключать подобныя сдѣлки, усердно добиваются этого формуляра. Сдѣлка, уложившаяся въ „типичную“, ходячую форму, гораздо легче заключается, но она вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо легче распутывается съ юридической стороны, когда наступаетъ надобность извлечь изъ нея ея юридическое, обязательное содержаніе. И сила этого жизненнаго факта такова, что съ одной стороны, сами граждане нерѣдко умышленно укладываютъ на прокрустово ложе уже образовавшихся типичныхъ сдѣлокъ, даже такое юридическое содержаніе, которое не вполне ими исчерпывается или не вполне къ нимъ подходитъ, а съ другой стороны, и законодатель усваиваетъ себѣ эти „типы“ сдѣлокъ и нерѣдко начинаетъ съ того, что даетъ свою могущественную защиту только этимъ „типичнымъ“ сдѣлкамъ. Это и есть несомнѣнный, глубоко жизненный корень того „формализма“ въ правѣ, которымъ было такъ пронизано, напр., римское право и который, вообще, составляетъ неизмѣнную принадлежность права на болѣе раннихъ ступеняхъ его развитія.

Итакъ, образованіе „типичныхъ“ сдѣлокъ и усвоеніе ихъ себѣ, съ одной стороны, юридическимъ бытомъ, а съ другой стороны, законодателемъ — это есть одно изъ весьма важныхъ и могучихъ средствъ къ „преодоленію“ обывательской, неюридической психологіи и къ превращенію частныхъ сдѣлокъ въ сравнительно ясныя и точныя юридическія величины, притомъ какъ со стороны ихъ содержанія, такъ и со стороны ихъ формы. „Типичныя“ юридическія сдѣлки — это, какъ бы, чеканная монета, которая вытѣсняетъ изъ гражданскаго оборота первобытную, неповоротливую и неискреннюю, обывательскую волю, подобную даже не чистому металлу, а той рудѣ, изъ которой выплавляется металлъ.

Но стремленіе юридическаго быта, а, вмѣстѣ съ нимъ, и гражданскаго законодателя къ орудованію въ видѣ сдѣлокъ, по возможности, ясными и точными юридическими величинами сказывается и еще въ одномъ важномъ направленіи. Дѣло въ томъ, что трудность какъ формулированія, такъ и истолкованія сдѣлки, можетъ зависѣть не только отъ ея новизны, но также и отъ сложности. Чѣмъ проще то юридическое содержаніе, которое частныя лица хотятъ вложить въ свою сдѣлку, тѣмъ легче имъ ее формулировать, а судьямъ ее потомъ правильно разобрать. Наоборотъ, чѣмъ это содержаніе сложнѣе, тѣмъ сдѣлку труднѣе формулировать и тѣмъ труднѣе ее потомъ правильно разобрать. Отъ этого „простыя“ сдѣлки гораздо легче и скорѣе укладываются въ „типы“, гораздо легче и скорѣе превращаются въ ту чеканную монету, о которой мы говорили выше. Съ другой стороны, по своей

„простотѣ“ и по своей „типичности“ онѣ приобрятаютъ въ юридическомъ быту учащенное употребленіе, усиленное обращеніе съ ними и самому юридическому быту, и законодателю вмѣстѣ съ судами. приходится имѣть дѣло несравненно чаще, чѣмъ со сдѣлками сложными, и это тѣмъ болѣе, что ради удобствъ, доставляемыхъ простыми, типичными сдѣлками, граждане нерѣдко (если это допускается существомъ дѣла) расчленяютъ или разбиваютъ свои сложныя сдѣлки на нѣсколько болѣе простыхъ, которыя затѣмъ и формулируютъ въ юридическомъ оборотѣ, какъ самостоятельныя. И, вотъ, когда дѣло доходитъ до этого, или еще раньше, эти простѣйшія, наиболѣе часто употребительныя сдѣлки, дѣйствительно, какъ бы подвергаются настоящей юридической чеканкѣ: ихъ юридически превращаютъ въ такъ называемыя, абстрактныя сдѣлки, т. е. отрываютъ ихъ отъ всей той фактической обстановки, въ связи съ которой они возникли, отрываютъ ихъ отъ того, что римляне технически называли *causa* сдѣлки (само собою разумѣется, что при этомъ безжалостно отсѣкается и вся та живая „психологія“, которая могла быть связана съ этими сдѣлками) и обсуждаютъ ихъ исключительно по тому содержанию, какое въ нихъ словесно выражено. Въ добавокъ къ этому самое словесное содержаніе этихъ сдѣлокъ и, вообще, весь ихъ „корпусъ“ еще и „формализуютъ“ съ большей или меньшей строгостью, для того чтобы, когда съ ними приходится имѣть дѣло, не было никакого сомнѣнія, ни въ ихъ наличности, ни въ ихъ юридическомъ смыслѣ. Такой „абстрактной“ сдѣлкой у римлянъ, какъ извѣстно, была *stipulatio*, въ новомъ гражданскомъ оборотѣ—*вексель*. И когда такія абстрактныя сдѣлки образовались и узаконены, тогда граждане получаютъ большую склонность къ тому, чтобы сводить свои взаимныя юридическія отношенія цѣликомъ, или поскольку это возможно, къ этимъ абстрактнымъ типамъ, которые столь же удобны, какъ чеканная монета, но въ такой же мѣрѣ и опасны, какъ она, потому что подобно ей и они могутъ быть также **фальшивыми**.

V.

Я не буду дальше распространяться въ томъ же направленіи, какого мнѣ пришлось держаться въ предыдущей главѣ. Собственно, то, что тамъ изложено, во всѣхъ своихъ подробностяхъ относится къ матеріальному гражданскому праву, и намъ для нашей процессуальной темы надо было не исчерпать эти подробности до конца, и только намѣтить одинъ чрезвычайно важный фактъ, касающійся той самой „частной воли“, которая является важнѣйшимъ источникомъ юридической квалификаціи въ гражданскихъ судахъ. И фактъ этотъ заключается въ томъ, что какъ при формулиро-

ваніи этой частной воли въ гражданскихъ сдѣлкахъ, такъ и при послѣдующемъ констатированіи содержанія этихъ сдѣлокъ въ судахъ, приходится считаться съ очень сложной юридической техникой, предназначенной къ тому, чтобы „очистить“ эти сдѣлки отъ обывательской психологіи и превратить ихъ въ ясныя и точныя юридическія величины. Последнее—очень не легко. Именно здѣсь съ полной ясностью сказывается, что заключеніе сдѣлки есть, дѣйствительно, актъ, аналогичный изданію закона. Законодательствованіе—одинаково трудно, какъ въ сферѣ публичной, такъ и въ сферѣ „частной“ воли. И тамъ, и здѣсь это специальное дѣло, чтобы быть съ успѣхомъ выполняемымъ, требуетъ особыхъ, специфическихъ усилій и связано съ своей особой специальной техникой. Само собою разумѣется, что эта техника далеко не всегда по плечу обыкновенному обывателю, а между тѣмъ, для прочности и обезпеченности гражданского оборота она безусловно требуется, и она необходимо вырастаетъ, переходя въ гражданское законодательство и принимая тамъ форму требованій, обращенныхъ отъ имени закона къ тѣмъ, кто желаетъ проявлять свою „частную“ волю въ формѣ сдѣлокъ. Какъ самъ гражданскій бытъ, такъ и гражданское законодательство должны стремиться къ тому, чтобы сдѣлки частныхъ лицъ принимали, по возможности, строгій юридическій обликъ, чтобы при заключеніи ихъ примѣнялась болѣе или менѣе строгая юридическая техника, ибо только при этомъ условіи „частные законы“ могутъ явиться источникомъ достовѣрнаго и яснаго юридическаго содержанія; въ противномъ случаѣ, они могутъ оказаться своего рода „загадками“, или, по крайней мѣрѣ, такими обывательскими продуктами, въ которыхъ вовсе не легко добраться до ихъ подлиннаго юридическаго содержанія.

Этотъ важный фактъ—образованія строгой и сложной юридической техники въ сферѣ гражданского оборота—вырастаетъ не сразу, но въ настоящее время онъ представляетъ собою уже *fait accompli*, и съ нимъ приходится считаться всякому гражданину, который хочетъ воспользоваться предоставленной ему закономъ возможностью сдѣлать свою „частную“ волю источникомъ правъ и обязанностей. И, конечно, граждане, заключая свои сдѣлки, съ этимъ считаются. Они не только по требованію закона, но и по собственному побужденію, принимаютъ всяческія мѣры къ тому, чтобы придать своимъ сдѣлкамъ строгій юридическій обликъ, облечь ихъ во всѣ юридическіе доспѣхи, такъ сказать, наложить на нихъ полный юридическій чеканъ.

Однако это вполне естественно, частію совершенно добровольное, частію вынуждаемое закономъ, стремленіе гражданъ къ юридическимъ заботамъ о своихъ „*Leges privatae*“, во-

площаемых ими въ гражданскихъ сдѣлкахъ, имѣть и свою границу. При приближеніи къ этой границѣ указанная забота и направленная въ ихъ сторону усилія начинаютъ ослабѣвать, а за этой границей они, наконецъ, и совсѣмъ прекращаются, уступая мѣсто болѣе или менѣе полному индифферентизму въ этомъ отношеніи.

Что же это за граница и гдѣ она проходитъ?

Эта граница проходитъ тамъ, гдѣ кончаются сдѣлки цѣнныя, и гдѣ начинаются сдѣлки малоцѣнныя.

Почему же здѣсь начинается этотъ индифферентизмъ къ правильному, „юридическому“ образованію сдѣлокъ?

Потому что здѣсь неудержимо и неустранимо даетъ себя чувствовать именно ихъ „малоцѣнность“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ реально заключаются „юридическія“ заботы о сдѣлкѣ?

Какъ мы видѣли раньше, сдѣлку надо прежде всего хорошо продумать, а продумавъ, хорошо выразить. И то, и другое требуетъ затраты времени, вниманія, умственныхъ силъ. На то, что мы считаемъ для насъ цѣннымъ, что серьезно затрогиваетъ наше благосостояніе, мы охотно жертвуемъ и наше время, и наши силы,—мы здѣсь, дѣйствительно, семь разъ примѣриваемъ, прежде чѣмъ одинъ разъ отрѣзать. А когда дѣло касается чего-нибудь очень для насъ цѣннаго, когда рѣчь идетъ о сдѣлкѣ, оцѣниваемой на тысячи или десятки тысячъ, тогда всякій благоразумный человѣкъ не только самъ будетъ „продумывать“ свою сдѣлку, но и привлечетъ къ этому свѣдущихъ совѣтниковъ, дабы не ошибиться ни въ чемъ и удовлетворить всѣмъ требованіямъ самой строгой юридической техники. Въ результатѣ и получится сдѣлка, юридически отчеканенная, какъ монета.

Но если дѣло идетъ о сдѣлкѣ малоцѣнной... Кто же здѣсь будетъ тратить слишкомъ много собственнаго вниманія, кто будетъ обращаться къ свѣдущимъ совѣтникамъ, которыхъ надо не только обезпечить, но совѣты которыхъ нерѣдко надо оплатить? Кто здѣсь будетъ очень тщательно справляться съ требованіями закона или облекать сдѣлку въ какую-либо очень прочную, квалифицированную форму?

Сдѣлки „малоцѣнныя“, именно въ силу этого ихъ свойства, заключаются гражданами безъ особенныхъ о нихъ заботъ, какъ бы мимоходомъ, не сосредоточивая на нихъ того спеціальнаго вниманія, какое требуется для хорошаго „юридическаго“ ихъ образованія. И ужъ само собою разумѣется, что для „укрѣпленія“ этихъ сдѣлокъ не принимается никакихъ особенныхъ мѣръ: къ совершенію ихъ не привлекаютъ свидѣтелей, ихъ не облакаютъ въ письменную форму; смѣшно было бы и говорить о явкѣ ихъ нотариусу, а тѣмъ болѣе о совершеніи

ихъ при участіи нотариуса. Если бы законодатель захотѣлъ всего этого требовать такъ, какъ онъ этого требуетъ по отношенію къ сдѣлкамъ цѣннымъ или очень важнымъ независимо отъ ихъ цѣнности (какъ, напр. сдѣлки о вещныхъ правахъ на недвижимыя имущества), то все равно граждане этихъ требованій не исполняли бы, предпочитая лучше рисковать участіемъ этихъ сдѣлокъ, чѣмъ отягчать каждую изъ нихъ непосильнымъ для нихъ накладнымъ расходомъ (и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ) разныхъ юридическихъ заботъ.

Но если все это такъ, то изъ этого вытекаетъ, что сдѣлки многоцѣнныя и сдѣлки малоцѣнныя, несмотря на чисто арифметическій характеръ своего разграниченія, — юридически отличаются другъ отъ друга кореннымъ образомъ. Съ точки зрѣнія ихъ юридической характеристики, они представляютъ даже черты прямой противоположности.

Сдѣлка цѣнная—обыкновенно есть сдѣлка строго юридическая и по своему содержанию, и по своей формѣ. Ея содержаніе бываетъ юридически хорошо расчленено и хорошо выражено; эвентуальности и возможныя осложненія въ ней предусмотрѣны; ничто въ ней не скомкано и не упущено изъ виду. Ея изложеніе—также юридическое; она пользуется техническими терминами съ строго установленнымъ юридическимъ смысломъ; она пользуется также и тѣмъ „юридическимъ“ мышленіемъ, которое юристы, какъ и математики, ставятъ себѣ не только въ особенность, но и въ заслугу. Наконецъ, она „укрѣплена“ прочной и надежной юридической формой: написана на бумагѣ (можетъ быть, даже специфической какъ въ векселѣ); можетъ быть удостовѣрена свидѣтелями или даже проведена черезъ нотариатъ. Словомъ, это сдѣлка, удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ строгой юридической техники, почему въ извѣстномъ, чисто условномъ смыслѣ, мы можемъ ее такъ и характеризовать, какъ „юридическую“.

Совсѣмъ иное представляетъ собою сдѣлка малоцѣнная. Она всегда формулирована безъ достаточнаго вниманія. Ея содержаніе въ однихъ мѣстахъ скомкано, въ другихъ—запутано ненужными вставками. Она обдумана поверхностно и не до конца; эвентуальности и осложненія въ ней совсѣмъ не предусмотрѣны. Ея изложеніе—обывательское; ея слова—далеки отъ технического смысла, а проникающее ее „мышленіе“—юридически-безпомощное. Наконецъ, ея внѣшность „безформенна“,—въ ней не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы „закрѣпить“ или „укрѣпить“ ея содержаніе на долгое время. И если сдѣлку цѣнную мы характеризовали выше, какъ „юридическую“, то сдѣлку малоцѣнную, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать „обывательской“ или „бытовой“.

И такъ, мы констатировали, что сдѣлки, которыя вмѣщаютъ въ себѣ ту „частную волю“, которой предоставлено публичнымъ закономъ творить свои „частные законы“, быть источникомъ „правъ“ и „обязанностей“, что эти сдѣлки, отъ которыхъ обыкновенно зависятъ „юридическая квалификация“ фактовъ въ гражданскихъ судахъ,—рѣзко распадаются на двѣ категоріи: сдѣлки „юридическія“ и сдѣлки „бытовыя“. Это ихъ различіе—ясное и практическое; оно не выдуманно, а дано самою жизнью. И оно совпадаетъ съ раздѣленіемъ сдѣлокъ на „цѣнные“ и „малоцѣнные“.

Такимъ образомъ, сказывается, что это послѣднее различіе не есть чисто „количественное“, какъ это кажется при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, а оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и различіе „качественное“, и притомъ вполне рѣзкое и опредѣленное.

Оно есть различіе во внутреннемъ характерѣ того самаго „матеріальнаго“ права, которое опредѣляетъ собою „юридическую квалификацію“ фактовъ въ гражданскихъ дѣлахъ, потому что „частный законъ“ и является, обыкновенно, истиннымъ „матеріальнымъ“ правомъ для гражданскихъ дѣлъ.

Это различіе—такъ практически важно и опредѣленно, что, съ точки зрѣнія задачъ юридической квалификации, его надо считать не меньшимъ, чѣмъ различіе, напр., между закономъ и обычнымъ правомъ. Но если это такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ становится основаніемъ, и притомъ достаточнымъ основаніемъ для направленія каждой категоріи сдѣлокъ въ особо-организованные суды; что оно становится, такимъ образомъ, причиною раздвоенія гражданской юстиціи на двѣ обособленныхъ вѣтви. Для насъ теперь ясно, почему гражданская юстиція дѣлится (независимо отъ „спеціальныхъ“ судовъ) именно на двѣ вѣтви, а не на три или на четыре, или почему она не естается для гражданскихъ дѣлъ единой.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлки многоцѣнные и малоцѣнные, въ силу столь различныхъ свойствъ лежащей въ ихъ основѣ частной воли несомнѣнно, должны быть совершенно различно обсуждаемы, когда дѣло дойдетъ до ихъ судебного разбора. Къ нимъ, при ихъ истолкованіи, придется примѣнять совсѣмъ разные мѣры или разные масштабы. Сдѣлки цѣнные, „юридическія“ надо будетъ и обсуждать строгимъ юридическимъ образомъ. По отношенію къ нимъ будетъ уместенъ не только извѣстный, технико-юридическій формализмъ, но даже и та суровость, которая въ значительной мѣрѣ свойственна гражданскому праву. При ихъ обсужденіи судья будетъ, какъ бы, руководиться безжалостнымъ правиломъ: пеняй самъ на себя, коли достаточно не позаботился о своемъ собственномъ дѣлѣ. И ослабить этого строгаго юридическаго масштаба совершенно

невозможно, потому что на немъ именно и держится прочность и обеспеченность гражданского оборота.

Но какъ примѣнить ту же самую мѣрку къ дѣламъ малоцѣннымъ? Не заключала ли бы она въ себѣ вопіющія несправедливости. Какъ обсуждать волю гражданина „юридически“, когда онъ не употребилъ, да и не могъ употребить никакъ мѣры къ тому, чтобы она приняла „юридическій“ видъ? когда она осталась во всей своей неприкосновенности, „обывательской, или „бытовой“.

Очевидно, къ „бытовымъ“ сдѣлкамъ, при ихъ обсужденіи надо или прилагать соответствующій имъ бытовой масштабъ, или совсѣмъ отказать имъ во всякой государственной защитѣ. Послѣднее—явно невозможно, значить неизбежно первое.

Надо брать ихъ такими, каковы они есть, и по всѣмъ направленіямъ дѣлать изъ этой посылки всѣ тѣ выводы, какіе изъ нея вытекаютъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Гредескулъ.

Къ статистикѣ смертной казни.

У каждой науки есть свой излюбленный вопросъ, которымъ она особенно охотно занимается. Къ числу такихъ въ наукѣ уголовного права принадлежитъ вопросъ о смертной казни. Зародившись нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, онъ росъ, пользуясь всеобщимъ вниманіемъ: каждый криминалистъ считалъ необходимымъ удѣлить ему свои заботы, посвящая ему нерѣдко отдѣльныя статьи и цѣлыя книги. Литература по нему, особенно на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, какъ извѣстно, громадна ¹⁾.

Но вопросу о смертной казни посчастливи-

¹⁾ Литература на итальянскомъ языкѣ указана у Orazio Viola. Bibliographia italiana della pena di morte 1904 in 8° 71 p. На русскомъ языкѣ въ 1906 и 1907 г. вышли: „Послѣднія слова казненныхъ“ книгоиздательство „Современникъ“ Спб. 1906 (послѣднія рѣчи и письма казненныхъ народовольцевъ и социалистовъ-революционеровъ Осинскаго, Квятковскаго, Желябова, Мышкина, Ульянова, Гаусмана, Балмашова, Каляева и др.); „Противъ смертной казни“. Сборникъ подъ редакціей Гернетъ, Гольдовскаго и Сахарова. 1-ое и 2-ое изд.; Закъ: Смертная казнь. М. 1906; В. Соколовъ: Нужна ли смертная казнь М. 1906 (брошюра въ 31 стр., авторъ—сторонникъ смертной казни); В. Гюго: Противъ смертной казни (рѣчь, произнесенная въ 1848 г.), „Военно-полевые суды“. Спб. 1907 г. изд. Вятскаго товарищества; Н. Фалѣевъ: Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. (Донск. рѣчь); Богучарскій: Кровавый Синодикъ; въ Рабочемъ Ежегодникѣ 1906 г. XXIII гл. „Мартирологъ“ и др., а также много статей въ газетахъ и журналахъ.

лось и въ другомъ отношеніи. Въ числѣ очень немногихъ вопросовъ уголовного права, онъ уже давно привлекъ къ себѣ вниманіе самыхъ различныхъ слоевъ общества и всего народа. Несчастьемъ нашей науки, принадлежащей къ числу общественныхъ наукъ, было то, что она слишкомъ долго была чужда обществу и сама чуждалась его. Но убійство, совершаемое палачемъ во имя закона, открыто и торжественно, на площадяхъ городовъ, не могло не заставить работать мысль окружавшаго эшафотъ народа, какъ не могло не заставить биться сильнѣе сердца многихъ изъ зрителей. Народъ, присутствовавшій при публичной казни, иногда даже созданный для этого присутствія, не всегда оставался безучастнымъ созерцателемъ. До насъ дошли многочисленныя свѣдѣнія отъ очень отдаленнаго времени, когда толпа ясно выражала свое отношеніе къ той или другой казни, осуждая ее или, наоборотъ, одобряя ее. Войска, окружавшія эшафотъ, предназначались не только для большей торжественности, но и по соображеніямъ полицейскаго характера на случай возможныхъ волнений толпы ¹⁾.

Несомнѣнно, что обсужденіе народомъ „справедливости и правильности“ отдѣльныхъ случаевъ смертныхъ казней, свидѣтелемъ которыхъ онъ такъ часто бывалъ, должно было способствовать зарожденію у него общаго вопроса о справедливости и правильности этого кроваваго средства расплаты съ осужденными. И тѣ самые криминалисты, которые полагали ниже своего достоинства и ниже достоинства своей науки считаться съ общественнымъ мнѣніемъ по различнымъ вопросамъ уголовного права, сочли возможнымъ черпать въ сознаніи народа свои доводы за и противъ смертной казни, доказывая, что она ему дорога, или, наоборотъ, противна.

Такъ окруженный постояннымъ общимъ вниманіемъ ученыхъ и общества росъ вопросъ о смертной казни въ наукѣ уголовного права. Уже въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка явилась возможность появленія трудовъ по исторіи литературы о смертной казни. Криминалисты отмѣтили въ исторіи этой литературы два момента: первый можетъ быть названъ періодомъ метафизическаго изученія, когда смертная казнь оцѣнивалась съ точки зрѣнія ея удовлетворенія требованіямъ абстрактной справедливости, велѣнію божества и пр., и второй, утилитарный, когда въ оцѣнкѣ этого института преобладающее значеніе получили соображенія о вредѣ или о пользѣ смертной казни, какъ средства борьбы съ преступностью.

Писатели второго періода указывали на по-

стоянное вымираніе смертной казни, на ограниченіе области ея легальнаго примѣненія, на уменьшеніе числа случаевъ ея примѣненія судами и на увеличеніе случаевъ помилованія осужденныхъ ¹⁾. Въ нашемъ настоящемъ очеркѣ мы, не повторяя доводовъ противъ смертной казни, ограничимся приведеніемъ статистическихъ данныхъ о ней. Эти цифры представляютъ для оцѣнки смертной казни матеріалъ болѣе цѣнный, чѣмъ многія разсужденія о требованіяхъ справедливости; но онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, представляютъ и большой интересъ, такъ какъ въ настоящее время вопросъ о цѣлесообразности смертной казни привлекъ къ себѣ особенно усиленное вниманіе правительствъ и обществъ въ нѣсколькихъ государствахъ.

Такъ, во Франціи въ 1906 г. было внесено депутатами два предложенія объ отмѣнѣ смертной казни и, наконецъ, такое же предложеніе было сдѣлано самимъ министерствомъ ²⁾. Въ Испаніи депутатъ либеральной партіи Morote въ концѣ 1906 года предложилъ отмѣнить смертную казнь ³⁾. Въ Черногоріи правительство объявило о своемъ намѣреніи отмѣнить смертную казнь, оставивъ ее лишь за случаи убійства верховнаго главы Черногоріи. Въ Россіи, какъ извѣстно, первая и вторая думы единодушно и энергично осудили смертную казнь, а первая дума успѣла единогласно принять проектъ ея полной отмѣны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается усиленіе вниманія къ вопросу о смертной казни и среди людей науки. Парижское тюремное общество—société générale des prisons—посвятило два засѣданія обсужденію доводовъ за и противъ смертной казни ⁴⁾. Готовясь къ предстоящему въ Вашингтонѣ международному тюремному конгрессу, парижская академія наукъ избрала изъ своей среды особый комитетъ, который и предложилъ ей внести въ программу конгрес-

¹⁾ Въ русской литературѣ эта тема съ исчерпывающей полнотой разработана покойнымъ профессоромъ А. Ф. Кистяковскимъ въ его работѣ „Исслѣдованіе о смертной казни“. Изд. 2-е. Спб. 1896 г.

²⁾ См. Journ. offic. Annexes 1) Senat 5 іюля № 332 2) 10 іюля Chambre Ap. 240 (предложеніе внесено многими депутатами), 3) 13 іюля 1906 г. Cham. Ap. 320 (предложеніе депутата Paul Meunier). Всѣ эти предложенія еще не обсуждались. Предложенія объ отмѣнѣ смертной казни вносились не одинъ разъ во французскую палату депутатовъ и въ сенатъ, но до сихъ поръ всегда отклонялись. Такія предложенія были, между прочимъ, сдѣланы 2 декабря 1902 г., 8 іюля 1898 г. (Journal of. 1898 г. № 304), 31 мая 1886 г. (Journ. of. 1886 № 352), 23 февраля 1888 г. (Journ. of. 1888 Ap. 2453).

³⁾ Rivista penale. Marzo 1907.

⁴⁾ Протоколы засѣданій и пренія напечатаны въ Revue Penitentiaire № 3 и № 4—5 (1-er fascicule). Большинство ораторовъ, и въ томъ числѣ одинъ священникъ (пасторъ Arboux), говорили въ защиту смертной казни; нельзя сказать, чтобы ихъ доводы внесли что нибудь новое. Другой ораторъ (полицейскій чиновникъ) предлагалъ ввести тѣлесное наказаніе девятихвосткой.

¹⁾ Въ изданномъ въ Парижѣ интересномъ альбомѣ „Le tige criminel“ воспроизведены старинные рисунки, передающіе публичную казнь; на всѣхъ изображены подлѣ эшафота войска.

са вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни и о средствахъ ея замѣны ¹⁾. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ Pardon-Attorney при губернаторѣ штата Миссури произвелъ анкету: достигается ли уменьшеніе преступности при существованіи въ лѣстницѣ наказаній смертной казни. Отвѣты получились не совсѣмъ благоприятные для защитниковъ смертной казни ²⁾.

Въ ученой и особенно общей печати появился рядъ работъ о смертной казни. Во Франціи, гдѣ вопросъ объ ея отмѣнѣ близокъ къ тому или другому ея разрѣшенію въ законодательномъ собраніи страны, газеты печатаютъ не только статьи, но и письма читателей за и противъ этого наказанія. Нѣкоторыми органами печати производятся цѣлыя анкеты. Такъ, газета „Le Matin“ опросила нѣсколько составовъ суда присяжныхъ засѣдателей объ ихъ мнѣніи относительно возможности отмѣны смертной казни ³⁾.

Изъ протоколовъ засѣданія парижскаго тюремнаго общества, изъ статей и писемъ, появившихся въ печати, и изъ произведенныхъ анкетъ видно, что въ настоящее время сторонники и противники смертной казни исходятъ исключительно изъ соображеній объ ея вредѣ или пользѣ. Приводимыя нами ниже статистическія данныя даютъ, какъ мы уже указали, нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ смертной казни.

Начнемъ съ Франціи. Въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, за исключеніемъ Россіи, число смертныхъ приговоровъ за истекшее столѣтіе понизилось съ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ единицъ.

Въ такой же пропорціи уменьшилось число приговоровъ, приведенныхъ въ исполненіе. Наоборотъ, число помилованныхъ соотвѣтствующимъ образомъ увеличилось. Результаты столѣтняго существованія смертной казни во Франціи видны изъ слѣдующей таблицы.

¹⁾ Peut on supprimer la peine de mort et dans le cas d'affirmative, quelle peine lui substituer? (608 p. 5 livrais. Compte Rendu des seances et travaux de l'Academie 1907).

²⁾ Смертная казнь имѣется въ законодательствахъ 40 штатовъ. Пять штатовъ давно ее не примѣняли; въ нихъ не замѣчается увеличенія преступности. Въ штатахъ Maine смертная казнь была отмѣнена въ 1876 году, но снова введена въ 1883 г. Однако, послѣ ея новаго введенія губернаторы жаловались на необычайное увеличеніе убійствъ. Тогда, въ 1887 г. она была отмѣнена вторично. (Zeitsch. für die gesam. Strafrechtsw. IV Heft 1907).

³⁾ По словамъ редакціи „Le Matin“ (8 іюля 1907 г.), опросные листы были разосланы всѣмъ составамъ присяжныхъ засѣдателей во Франціи. Неизвѣстно, какъ собирались голоса. Но всѣ первые отвѣты, полученные отъ 24 жюри, за смертную казнь; изъ нихъ 21 за публичную казнь и 3 за казнь въ стѣнахъ тюрьмы. Эти отвѣты присяжныхъ стоятъ въ полнѣйшемъ противорѣчій съ ихъ дѣятельностью: изъ приведенныхъ далѣе въ нашей статьѣ цифръ видно, что французскіе присяжные предпочитаютъ признавать обвиняемаго заслуживающимъ снисхожденія и даже оправдать его, нежели осудить на смерть.

Франція ¹⁾.

Г о д ы.	Приговорено.			
	За 5 лѣтъ.	Средн. числ. за 1 годъ.	Казнено сред. числ. за 1 годъ.	Помиловано средн. числ. за 1 годъ.
1803 —	—	605	—	—
1813 —	—	325	—	—
1814 —	—	183	—	—
1811—1815	—	264	—	—
1816 —	—	514	—	—
1816—1820	—	397	—	—
1826 —	—	150	—	—
1821—1825	—	252	—	—
1826—1830	555	111	72	39
1831—1835	330	66	31	35
1836—1840	197	39	29	10
1841—1845	240	48	36	12
1846—1850	245	49	32	17
1851—1855	282	56	31	25
1856—1860	217	43	24	19
1861—1865	108	22	13	9
1866—1870	85	17	9	8
1871—1875	145	29	15	14
1876—1880	127	25	6	19
1881—1885	148	29	5	24
1886—1890	154	30	8	22
1891—1895	143	28	12	16
1896—1900	88	17	5	12
1901—1905	78	16	1 ² / ₃	14

За каждый годъ.

Г о д ы.	Пригово- рено.	Казнено.	Помило- вано.
1886	38	10	28
1887	28	6	22
1888	28	9	19
1889	28	9	19
1890	32	7	25
1891	28	15	13
1892	27	9	18
1893	37	15	22
1894	27	14	13
1895	22	7	15
1896	24	6	18
1897	14	4	10
1898	19	10	9
1899	20	6	14
1900	11	1	10
1901	20	3	17
1902	9	1	8
1903	15	1	14
1904	16	1	15
1905	18	2	15

¹⁾ Compte général de l'administration de la justice criminelle. Paris.

Ежегодные отчеты французской уголовной статистики охватывают периодъ съ 1826 года по 1905 г. ¹⁾ За эти 80 лѣтъ судъ присяжныхъ вынесъ 3.142 смертныхъ приговора. Но въ то время, какъ въ первый отчетный годъ (1826) было осуждено 150 лицъ, въ послѣдній (1905) это число понизилось до 18; число казненныхъ за пятилѣтіе 1826—1830 было 360, а за послѣдніе пять лѣтъ (1901—1905)—8 человекъ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ постепенное уменьшеніе процента казненныхъ по отношенію къ общему числу приговоренныхъ къ смерти.

Проценты казненныхъ во Франціи по пятилѣтіямъ 1826—1905 г.г.

Г о д ы.	%	Г о д ы.	%
1826—1830 . . .	65	1866—1870 . . .	54
1831—1835 . . .	47	1871—1875 . . .	51
1836—1840 . . .	75	1876—1880 . . .	26
1841—1845 . . .	74	1881—1885 . . .	18
1846—1850 . . .	65	1886—1890 . . .	28
1851—1855 . . .	56	1891—1895 . . .	39
1856—1860 . . .	55	1896—1900 . . .	30
1861—1865 . . .	58	1901—1905 . . .	11

Gugot Dessaigne въ изложеніи мотивовъ къ проекту объ отмѣнѣ смертной казни высчиталъ процентъ казненныхъ при различныхъ политическихъ режимахъ во Франціи.

Число осужденныхъ и % казненныхъ во Франціи при различныхъ правительствахъ.

Г о д ы.	Число приговорен.	% казненныхъ.
1826—1830. Реставрація . . .	535	65
1831—1847. Іюльская монархія .	881	64
1848—1852. Республика . . .	231	61
1853—1870. Имперія . . .	589	54
1871—1880. Республика . . .	272	39
1881—1900. — . . .	533	34
1901—1905. — . . .	78	11

Проф. Garçon ²⁾ подмѣтилъ интересный фактъ въ движеніи числа смертныхъ приговоровъ: при каждомъ новомъ политическомъ режимѣ число смертныхъ приговоровъ больше въ первые годы, нежели позднѣе. Такъ, консульство „дебютируетъ“ съ 605 смертными приговорами, а въ 1813 году ихъ 322, т. е. меньше вдвое; реставрація начинается въ 1816 году съ 514 приговорами, а затѣмъ эта цифра падаетъ до 91; іюльская монархія начинается въ 1831 г. съ 108 приговорами и кончается въ 1847 г. съ 65; въ императорскій періодъ число смертныхъ

¹⁾ Томъ уголовной статистики за 1905 годъ еще не вышелъ, но министръ юстиціи опубликовалъ въ Journal Officiel (Annex 14 mars 1907) свой докладъ президенту республики за 1905 г.—rapport sur l'administration de la justice criminelle pendant l'année 1905. Въ этомъ докладѣ имѣется цифровый матеріалъ о смертной казни.

²⁾ Revue pénitent. 1907 № 4—5.

приговоровъ было наивысшее въ 1854 г.—79, а въ послѣдній 1870 г. всего 11. Уменьшеніе числа смертныхъ приговоровъ съ 1871 года очевидно.

Чтобы получить вполнѣ ясное представленіе объ уменьшеніи числа казней во Франціи, мы дополнимъ приведенную выше таблицу съ указаніемъ числа приговоренныхъ и процента казненныхъ другой съ указаніемъ процента помилованій за время съ 1826 г. по 1905 г.

Процентъ помилованій во Франціи.

Съ 1826 по 30 г. и съ 1831 по 47 г. помиловано 36%	
„ 1848 „ 1852	39
„ 1853 „ 1870	46
„ 1871 „ 1880	61
„ 1881 „ 1900	65
„ 1901 „ 1905	91

Женщины получаютъ помилованіе чаще мужчинъ. За время съ 1833 по 1880 изъ 205 приговоренныхъ къ казни женщинъ было казнено 45, т. е. 22%, съ 1881 по 1905 г. изъ 27 приговоренныхъ было казнено двѣ.

Помилованіе приговоренныхъ зависитъ отъ главы правительства. Но съ 1832 г. французскіе присяжные засѣдатели получили право освобождать отъ казни виновныхъ, признавая наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ. Интересно выяснитъ, насколько часто они пользовались этимъ правомъ. Въ докладѣ министра юстиціи президенту республики за 1905 годъ (Journ. Offic. 14 mars 907 г.) мы находимъ слѣдующія данныя:

Признаніе смягчающихъ вину обстоятельствъ.

	Число обвиняемыхъ.	% призн. винов.	% призн. смягч. обст.
	1873—1880 1881—1905	1881—1905 1873—1880	1881—1905 1873—1880
Отцеубійство . . .	92 353	70 44	75 74
Дѣтоубійство . . .	1767 3770	64 33	99 99
Отравленіе . . .	150 256	63 55	93 96
Предумышленное убійство	1929 6604	47 37	83 77
Поджогъ обитаемыхъ зд. . .	1211 2435	36 27	99 98

Отвращеніе французскихъ присяжныхъ къ смертной казни подтверждается не только громаднымъ числомъ случаевъ признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, но и весьма значительнымъ процентомъ оправданій тѣхъ изъ обвиняемыхъ, которымъ грозитъ смертная казнь. По всѣмъ преступленіямъ, вообще, французскіе присяжные признаютъ виновными 69%, а изъ ста отцеубійцъ съ 1881—1905 г.г. были признаны виновными всего 44, изъ 100 дѣтоубійцъ всего 33, а изъ сотни поджигателей обитаемыхъ зданій только 27 человекъ.

Въ началѣ XIX вѣка смертная казнь примѣнялась за весьма многія преступленія, а именно, приблизительно въ 45 случаяхъ. Область ея примѣненія теперь ограничена 12

преступлениями. Знакомаясь съ движеніемъ тѣхъ преступленій, за которыя ранѣе назначалась или назначается теперь смертная казнь, мы видимъ, что это движеніе не стоитъ ни въ какой связи съ угрозой наказанія смертю: социальная среда вызываетъ преступленія, ея измѣненія приводятъ къ измѣненіямъ въ преступности страны. Въ свое время дуэли были чрезвычайно распространены и назначавшаяся за нихъ смертная казнь оставалась безсильной; теперь онѣ почти исчезли. Морское разбойничество, непобѣжденное самыми мучительными казнями и пловучими висѣлицами, устроенными на плотяхъ, было побѣждено, какъ это указалъ Ферри, примѣненіемъ силы пара къ движенію по водѣ. Никакія казни не могли остановить роста политическихъ убійствъ въ Италіи, но они исчезли съ установленіемъ національной независимости. Французская статистика показываетъ, что предумышленные убійства assassinations, за которыя полагается смертная казнь до настоящаго времени, не уменьшились съ 1827 по 1904 годъ (207 въ 1827 г. 191 въ 1904 г.). Другія силы, болѣе могущественныя, чѣмъ смертная казнь, управляютъ движеніемъ этихъ важнѣйшихъ преступленій.

Б е л ь г і я.

Въ сосѣдней съ Франціей Бельгіи вымирание смертной казни отмѣчается еще ярче.

Число приговоренныхъ къ смертной казни и казненныхъ въ Бельгіи ¹⁾).

Г О Д Ы.	За 5 лѣтъ.		Сред. число въ 1 годъ.	
	приг.	казн.	приг.	казн.
1800—1804	353	235	71	37
1805—1809	152	88	30	17
1810—1814	113	71	23	14
1815—1819	71	26	14	5
1820—1824	61	23	12	4
1825—1829	74	22	15	4
1830—1834	60	нѣтъ	12	нѣтъ
1835—1840	86	2	17	0,4
1841—1845	122	8	24	1,6
1846—1850	216	18	43	3
1851—1855	152	17	30	3,4
1856—1860	107	4	21	0,8
1861—1865	95	5	19	1.
1866—1870	59	Всѣ помилованы	11	Всѣ помилованы
1871—1875	36		7	
1876—1880	41		8	
1881—1885	47		9	
1886—1890	36		7	
1891—1899	?	Всѣ помилованы	?	Всѣ помилованы
1900	—		2	

¹⁾ 1) Publications de l'association pour l'abolition de la peine de mort № 3, № 4 Liège 1864, 1865, 2) Statistique judiciaire de la Belgique. Bruxelles 1902, 3) Olivecrona: De la peine de mort. 1893.

Какъ можно видѣть изъ этой таблицы, въ первое пятилѣтіе XIX вѣка было совершено почти столько же казней (235), сколько за послѣдующія 95 лѣтъ (284). Последняя казнь въ Бельгіи была совершена въ 1863 г., и съ тѣхъ поръ всѣ приговоренные безъ исключеній получали помилованіе. Число же приговариваемыхъ къ казни уменьшилось за сто лѣтъ въ 35 разъ (съ 71 до 2) ¹⁾.

Г е р м а н і я.

Отчеты общеимперской уголовной статистики въ Германіи начали выходить съ 1882 г. Несмотря на то, что германское уголовное уложеніе ввело смертную казнь и въ тѣ союзныя государства, въ которыхъ она до того времени не примѣнялась, число смертныхъ приговоровъ уменьшилось.

Приговоры къ смертной казни въ Германіи съ 1882 по 1904 годъ ²⁾).

Годы.	Приг.	Годы.	Приг.	Годы.	Приг.
1882	95	1890	65	1898	46
1883	90	1891	40	1899	50
1884	69	1892	59	1900	38
1885	59	1893	52	1901	38
1886	70	1894	47	1902	38
1887	64	1895	60	1903	40
1888	37	1896	56	1904	38
1889	55	1897	53	—	—

Число приговоренныхъ къ смертной казни за первое пятилѣтіе (383) вдвое больше, чѣмъ въ послѣднее (184). Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести цифръ дѣйствительно казненныхъ и помилованныхъ: германское правительство не публикуетъ этихъ свѣдѣній и держитъ ихъ въ большомъ секретѣ.

А н г л і я.

Что касается Англіи, то число смертныхъ приговоровъ и казней было здѣсь громадно до 1832 и 1838 г., когда область примѣненія этого наказанія была въ значительной степени сокращена новыми уголовными законами. Начиная съ 1838 г. и кончая 1905 годомъ, въ числахъ приговоренныхъ къ смерти и казненныхъ происходили лишь небольшія колебанія. Мы приводимъ эти цифры погодно.

¹⁾ Франсартъ въ своей статьѣ о смертной казни указываетъ, что въ періодъ съ 1841 по 1855 г. (15 лѣтъ) при 43 приговорахъ къ смертной казни было 191 осужденныхъ за преступленія, караемые смертною казнью, а за время съ 1876 по 1890 г. (15 лѣтъ), когда смертная казнь, начиная съ 1863 г. уже не примѣнялась de facto, было всего 124 осужденныхъ за эти же преступленія. Въ засѣданіи бельгійской палаты депутатовъ 3 мая 1893 г. министръ юстиціи призналъ, что непримѣненіе смертной казни не остановило уменьшенія большой преступности. (Bulletin de l'union int. de dr. P. 1898 г., 45 стр.).

²⁾ Statistike des Deutschen Reichs. Kriminalstatistik. Band 162 и др.

Смертные приговоры и казни въ Англии съ 1800 по 1905 годъ.

Годы.	Приг.	Казн.	Годы.	Приг.	Казн.
1800—1810 .	—	802	1869 . . .	18	10
1811—1820 .	—	893	1870 . . .	15	6
1817—1825 .	10,326	791	1871 . . .	13	4
1831—1840 .	—	250	1872 . . .	30	15
1838	25	5	1873 . . .	18	10
1839	13	10	1874 . . .	26	} сред. 10
1840	18	9	1875 . . .	33	
1841	20	9	1876 . . .	32	
1842	16	9	1877 . . .	34	
1843	22	13	1878 . . .	20	
1844	21	16	1879 . . .	34	16
1845	19	12	1880 . . .	28	13
1846	13	6	1881 . . .	23	11
1847	19	8	1882 . . .	22	12
1848	23	12	1883 . . .	23	13
1849	19	15	1884 . . .	38	15
1850	11	6	1885 . . .	25	12
1851	16	9	1886 . . .	35	19
1852	16	9	1887 . . .	35	21
1853	17	8	1888 . . .	36	22
1854	11	7	1889 . . .	20	11
1855	11	5	1890 . . .	24	15
1856	31	16	1891 . . .	19	12
1857	20	13	1892 . . .	22	18
1858	16	11	1893 . . .	28	15
1859	18	9	1894 . . .	29	17
1860	16	12	1895 . . .	19	11
1861	26	14	1896 . . .	33	20
1862	29	15	1897 . . .	14	6
1863	20	} сред. 14	1901 . . .	28	?
1864	32		1902 . . .	33	22
1865	20		1903 . . .	41	27
1866	26		1904 . . .	28	16
1867	27		1905 . . .	32	17
1868	21	12			

Такимъ образомъ, за время съ 1838 г. по 1905 г. (исключая 1898, 99 и 900 г.) англійскіе суды приговорили къ смерти 1520 человекъ, а палачи казнили 799 осужденныхъ, т. е. почти ровно половину. Процентъ казненныхъ мало мѣняется по десятилѣтіямъ, но все же нѣсколько понизился за послѣднія 10 лѣтъ.

Процентъ казненныхъ въ Англии.

1841—1850	57%
1851—1860	57%
1861—1870	61%
1871—1880	47%
1881—1890	58%
1891—1905	53%

Наиболѣе горячими противниками смертной казни въ Англіи являются социалисты ¹⁾. Съ наблюдаемымъ теперь усиленіемъ этой политической партіи въ парламентъ, надо думать, будутъ сдѣланы попытки добиться полной отмѣны этого наказанія.

Мих. Гернетъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объявленное Высочайшее повелѣніе

военнымъ министромъ.

Объ измѣненіи ст. 563 воен. суд. устава.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главнаго военнаго суда, 1 апрѣля 1907 г., Высочайше повелѣть соизволилъ статью 563 военно-судебнаго устава (св. в. п. 1869 г., XXIV, изд. 3) изложить въ слѣдующей редакціи:

„Въ пограничной стражѣ предаются суду: 1) нижніе чины—бригадными командирами; 2) оберъ-офицеры—начальниками округовъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи; 3) штабъ-офицеры, за исключеніемъ бригадныхъ командировъ,—командиромъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи; 4) бригадные командиры, за исключеніемъ состоящихъ въ генеральскихъ чинахъ,—шефомъ пограничной стражи, министромъ финансовъ и 5) генералы—порядкомъ, установленнымъ въ пунктѣ 5 предшешей (562) статьи“.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Гродненскій окружный судъ.

Дѣло о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ.

(Продолженіе). ²⁾.

Сдѣланное предсѣдателемъ суда повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ замѣчаніе, что установленіе фактовъ, характеризующихъ поведеніе войскъ и полиціи, отношенія къ дѣлу имѣть не можетъ и нисколько не обосновываетъ гражданскихъ исковъ,—вызвало возраженіе со стороны г. Хоментовскаго.

— „Признаюсь откровенно, заявилъ онъ, замѣчаніе г. предсѣдателя застигло меня врасплохъ своей неожиданностью. Пора, мнѣ кажется, отрѣшиться отъ узко-догматическаго, обветшалаго взгляда на задачи и цѣли, преслѣдуемые такими исками, пора бросить мертвящій формализмъ, который словами 574 ст. т. X ч. I говоритъ только о возмѣщеніи „ущерба въ имуществѣ“, а десятую статью ниже неохотно рѣшается признавать и другіе убытки помимо матеріальныхъ.“

этого же автора приведена статистика казненныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ С.-Америки за 1891—1897 г.; число ежегодныхъ казней не ниже 107 (въ 1892 г.) и не выше 132 (въ 1894 и 1895 г.) 126 стр.

¹⁾ Двое виднѣйшихъ представителей социалистической партіи въ Англіи, Макдональдъ и Кейръ-Гарди, приняли участіе въ сборникѣ „Противъ смертной казни“.

²⁾ См. № 30.

¹⁾ 1) Judicial Statistics. England and Wales. 2) Publications de l'association pour l'abolition de la peine de mort. Liège. 1865. 3) Proust: De la suppression progressive de la peine de mort. Thèse Tours. 1907; 4) The Penalty of Death. The problem of capital punishment, of Jasiah Oldfield. London, 1901; у

Довѣрители наши, пережившіе всѣ ужасы 1 и 2 іюня, ищутъ здѣсь, на судѣ публичномъ и гласномъ, прежде всего нравственнаго удовлетворенія. Нравственные мученія также должны компенсироваться судомъ, и если ужъ необходимы ссылки на авторитеты, то я напомню самое славное въ русской наукѣ уголовного права имя проф. Кистяковского, который говоритъ: „развѣ изъ того, что изнасилованіе нельзя оцѣнить, нужно оставлять его безнаказаннымъ?“ А нравственное удовлетвореніе наши довѣрители, и мы съ ними, получать только тогда, когда вся бѣлостокская драма будетъ раскрыта предъ лицомъ всего общества, и вы, я увѣренъ, не будете намъ въ этомъ мѣшать“.

Судъ возвращается къ допросу свидѣтелей.

Секретарь уѣзднаго присутствія г. Даниловичъ сообщаетъ суду случай съ молодымъ евреемъ, котораго въ ночь съ 1 на 2 іюня били рабочіе въ залѣ 1 класса. Эпизодъ этотъ уже былъ подробно описанъ въ отчетѣ объ апрѣльскомъ разборѣ дѣла (см. № 22 „Правда“). Характерна лишь новая подробность. Когда г. Даниловича допрашивали въ жандармскомъ управленіи уже послѣ направленія дѣла къ дослѣдованію, о поведеніи подсудимаго Янкевича при избіеніи еврея, и тамъ заинтересовались, о какомъ еврейѣ шла рѣчь, Янкевичъ, находившійся при допросѣ, пояснилъ, что это—тотъ самый еврей, которому потомъ въ рукахъ жандармовъ пробили голову.

— Скажите, свидѣтель,—спрашиваетъ председатель:—по вашимъ словамъ, сочувствующихъ еврею было человѣкъ 20, а били его только трое; не могли развѣ вы оказать имъ физическое противодействие.

Конечно. Если бы намъ пришлось имѣть дѣло только съ громилами, мы справились бы. Но... намъ грозила участь еврея.

Наконецъ, появляется полковникъ Шреттеръ, изблеченный при первомъ разбирательствѣ дѣла въ искаженіи истины.

На вопросъ председателя: „Что вы знаете по настоящему дѣлу?“—полковникъ вновь повторяетъ все то, что рассказалъ при первомъ допросѣ. Онъ упускаетъ, впрочемъ, на этотъ разъ патетическое вступленіе о лживости распространяемыхъ про его попустительство слуховъ, и побои, нанесшіеся 1 іюня евреямъ, уже не называетъ, какъ въ прошлый разъ „шуткой“: „толпа неизвѣстныхъ людей, говоритъ онъ на этотъ разъ,—толкала евреевъ и ударила ихъ въ бокъ“.

— Когда пришелъ полѣсскій поѣздъ, закончилъ онъ, со всѣхъ сторонъ хлынула толпа въ 400—500 человѣкъ, которая стала хватать евреевъ, выходящихъ изъ поѣзда и избивать. Многихъ изъ нихъ приходилось спасать. Одного я посадилъ въ вагонъ и предупредилъ, чтобы онъ не показывался. Но едва я отошелъ, онъ высунулся въ окно, и „этого франта“ успѣли убить. Все это длилось максимумъ 15 минутъ, и, какъ налетѣвшій ураганъ, сразу утихло.

— Нѣкоторыя подробности изъ-за давности времени, быть можетъ, исчезли уже изъ моей памяти, но одно могу удостовѣрить категорически: я знаю всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, но изъ подсудимыхъ не могу указать ни одного, который принималъ бы участіе въ погромѣ; всѣ были пришлые.

Слова эти вызываютъ сильное движеніе въ публикѣ, ибо среди подсудимыхъ нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ, принимавшихъ самое горячее участіе въ избіеніяхъ.

Послѣ доклада полковника Шреттера, по ходатайству повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, оглашаются официальные документы, опровергающіе утвержденіе Шреттера, что, онъ неоднократно вызывалъ на помощь войска. Затѣмъ, гг. Ратнеръ и Хоментовскій переходятъ къ допросу.

Вслѣдствіе категорическаго утвержденія полк. Шреттера, что, кромѣ Абрамскаго, сломавшаго се-

бѣ ногу, никто 1 іюня серьезныхъ увѣчій не потерпѣлъ, присяжный повѣренный Ратнеръ напоминаетъ ему случай съ Дуксинимъ, которому въ тотъ день былъ пробитъ черепъ, и со старикомъ Гольдбергомъ, которому выбили глазъ, перебили барабанныя перепонки въ обоихъ ушахъ и сломали палецъ.

— Ничего подобнаго. Такихъ случаевъ 1 іюня не было.

— А задержали вы 1 и 2 іюня кого-нибудь изъ погромщиковъ?

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Очень понятно. Некому было задерживать. Да и польза какая? Ну, арестуешь одного, другого, а онъ все равно убѣжитъ, если и запереть; совсѣмъ бесполезное дѣло.

— А есть у васъ на станціи комната для арестуемыхъ.

— Есть, но въ нее никого не сажали. Одного, двухъ сажать не стоило, а всѣхъ погромщиковъ комната все равно не вмѣстила бы...

— Пытались вы у громиль отнимать награбленные вещи, которыя они тащили черезъ вокзалъ?

— Нѣтъ. Все равно дѣвать некуда было, да и бесполезно было бы: у одного отнимешь, а за нимъ другой опять тащить. Суматоха была страшная, всѣ сбились съ ногъ отъ усталости. Да и какъ отличить, кто свои вещи тащить, а кто чужія.

— А драгуны пытались 2 іюня противодействовать громиламъ на площади?

— Нѣтъ, часть ихъ стояла на перронѣ и охраняла вокзалъ, а остальные держали коней въ поводу и не могли ихъ оставить, да, кромѣ того, въ тотъ день „драгуны, вообще, дѣйствовали вяло“, какъ бы нехотя добавилъ полковникъ.

— Но вѣдь часть драгунъ, по словамъ многихъ свидѣтелей, не были спѣшены и сидѣли на лоша-
дяхъ?

— Сплошное вранье. Всѣ были спѣшены.

— Значить, всѣ врутъ?

— Всѣ врутъ!

— А помните ли вы случай съ евреемъ, котораго въ залѣ 1 класса била толпа рабочихъ и за котораго васъ просили пассажиры?

— Нѣтъ. Что въ эту ночь никто не былъ избитъ, могу поручиться. Это могутъ подтвердить тысячи свидѣтелей.

— А столкновеніе у васъ съ драгунскимъ офицеромъ?

— Ничего подобнаго не было.

— Не можете ли, полковникъ, назвать по имени хотя бы одного спасеннаго вами еврея?

— Нѣтъ. Я, знаете, ихъ именами не интересовался, но насчиталъ я, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 20. Былъ у меня списокъ евреевъ, которымъ была оказана помощь въ фельдшерской комнатѣ, я хотѣлъ даже представить его суду, да не знаю, куда онъ дѣвался.

— Замѣтно было, что евреи опасаются погрома?

— Да. Въ маѣ былъ страшный отливъ ихъ изъ Бѣлостока. Уѣзжали все старики. А молодежь въ черныхъ блузахъ провожала ихъ, и старики на прощанье кричали имъ: „Смотрите, берегите себя!“

— Почему же молодежь оставалась?

— Не знаю, но, видимо, съ цѣлью производить безпорядки...

— Чѣмъ были вызваны погромы?

— Безусловно, евреи сами въ немъ виноваты. Въ отношеніяхъ между евреями и христіанами не было особой вражды, но причина погромовъ несомнѣнно въ поведеніи еврейской молодежи.

— Въ чемъ же поведеніе это выражалось?

— Постоянные убійства, выстрѣлы—все это страшно настраивало войска противъ евреевъ.

— Настроение это сказалося 1—3 июня?

— Не знаю.

— Ну, а среди ваших солдат?

— Мои дѣлали свое дѣло...

— Вы изволили слышать показанія Куррехта?

— Ложь, наглая ложь... ничего подобного. Изъ окна чердака дальше своего носа ничего видѣть нельзя уже потому, что окно это слишкомъ высоко отъ пола. Взволнованный такимъ утвержденіемъ Шреттера, Куррехтъ сталъ страстно протестовать.

— Я двѣнадцать мѣсяцевъ былъ въ Портъ-Артурѣ, всю осаду выдержалъ, видѣлъ тамъ смерть, но тамъ гвоздей людямъ не вбивали въ головы, какъ здѣсь..., а если г. полковникъ говоритъ, что я, георгіевскій кавалеръ, вру, такъ я скажу, что я все видѣлъ изъ окна, подставивъ къ нему ящикъ.

— Ложь, нахальная ложь,—заявляетъ комендантъ: тамъ нѣтъ и не было никогда ящиковъ, это я твердо знаю; все ложь...

Тогда прис. пов. Хоментовскій въ совершенно вѣжливой формѣ спросилъ коменданта, былъ ли онъ самъ на томъ чердакѣ и провѣрялъ показанія Куррехта?

— Не былъ!—вдругъ закричалъ полковникъ на весь залъ, злобно, съ искаженнымъ лицомъ.

— Я слышу, васъ, г. полковникъ, отвѣтилъ г. Хоментовскій, и, обратясь къ суду, добавляетъ, что другихъ вопросовъ этому свидѣтелю онъ не имѣетъ.

Окончивъ допросъ слѣдующаго свидѣтеля, г. Хоментовскій, обратился къ председателю суда съ заявленіемъ:

Какъ человѣка, меня полковникъ Шреттеръ, конечно, оскорбить не можетъ. Но въ залѣ судебного засѣданія, я являюсь не частнымъ лицомъ, а присяжнымъ повѣреннымъ, отправляющимъ свой профессиональный долгъ, и въ такомъ положеніи я, по мѣрѣ моего разумѣнія, обязанъ ограждать достоинство того званія и сословія, къ которому я имѣю высокую честь принадлежать. Я требую поэтому, чтобы председатель суда исполнялъ въ точности предписанія 661 ст. уст. уг. суд., вмѣняющей ему въ обязанность ограждать личность всякаго являющагося на судъ.

Председатель тутъ же замѣтилъ полк. Шреттеру, что въ вопросѣ г. Хоментовскаго ничего не было вызывающаго и что судъ, дѣйствующій именемъ Его Императорскаго Величества, надо уважать, „и я приглашаю васъ,—добавилъ онъ,—держаться спокойнѣе“.

Г. Хоментовскій попросилъ занести весь инцидентъ и заявленіе г. председателя въ протоколъ засѣданія. На это полк. Шреттеръ, съ своей стороны, заявилъ, что онъ также проситъ занести въ протоколъ, что „этотъ господинъ“ оскорблялъ его безнаказанно при обоихъ разбирательствахъ дѣла и что онъ донесетъ обо всемъ своему начальству.

Г. Ратнеръ напоминаетъ суду, что при первомъ разборѣ допрашивалъ полк. Шреттера онъ, Ратнеръ, а г. Хоментовскій никакихъ вопросовъ не предлагалъ. Председатель удостоверяетъ это и, еще разъ установивъ, что въ тонѣ г. Хоментовскаго ничего не было оскорбительнаго для г. Шреттера, велитъ секретарю занести весь инцидентъ въ протоколъ.

Засимъ, прис. пов. Ратнеръ вноситъ ходатайство о производствѣ мѣстнаго осмотра всѣмъ составомъ суда для провѣрки показаній Куррехта. Хотя показанія послѣдняго,—поясняетъ онъ,—и не имѣютъ особаго значенія для изобличенія подс. Демьяновича, такъ какъ онъ въ достаточной мѣрѣ учитывается другими свидѣтелями, тѣмъ не менѣе провѣрка показаній Куррехта имѣетъ значеніе для оцѣнки, съ одной стороны, всѣхъ, вообще, его показаній, а, съ другой стороны, показаній полк. Шреттера.

Къ ходатайству г. Ратнера присоединяются г.

Хоментовскій, защитники, товарищъ прокурора, и судъ постановляетъ произвести на слѣдующій день осмотръ предвокзальной площади и чердака въ присутствіи прокурора, гражданскихъ истцовъ, подс. Демьяновича и свидѣтелей: Куррехта, Дагеля, Бибило, Перковскаго и Погребняка.

Передъ самымъ допросомъ полк. Шреттера раскрылась довольно неожиданно небольшая подробность, обрисовывающая тѣ условія, въ которыхъ находятся свидѣтели, рѣшающіеся въ своихъ показаніяхъ касаться дѣйствій станціонныхъ властей.

По просьбѣ прис. пов. Л. А. Хоментовскаго, къ свидѣтельскому столу былъ вторично вызванъ потерпѣвшій Абрамскій, сломавшій себѣ 1 июня при прыжкѣ изъ окна ногу.

Въ апрѣльскую сессію комендантъ очень подробно рассказалъ, какъ онъ заботливо распорядился о перенесеніи Абрамскаго въ вагонъ для отправленія въ Гродну. Однако, Абрамскій категорически это опровергъ и на судѣ въ очной ставкѣ доказалъ, что полковникъ Шреттеръ не только не помогъ ему, когда онъ 1½—2 часа съ переломанной ногой молилъ о состраданіи и помощи, но еще и самъ кричалъ: „бей жидовъ—мерзавцевъ, всѣхъ ихъ надо перебить“.

— Скажите, г. Абрамскій,—спрашиваетъ прис. пов. Л. А. Хоментовскій,—полковникъ, послѣ того, какъ вы дали показаніе, не объяснилъ вамъ этого разнорѣчія въ вашихъ взглядахъ?

— Какъ же! Объяснилъ и очень точно.

— Въ какихъ выраженіяхъ?

Абр. Полковникъ Шреттеръ подошелъ ко мнѣ въ буфетѣ и сказалъ: „ты нагло лжешь“, а я ему отвѣтилъ, что лжеть онъ, а не я.

Хом. Этимъ инцидентъ и былъ исчерпанъ?

Абр. Нѣтъ. Когда я сказалъ это, онъ схватился рукой за шапку и сказалъ, что „покажетъ“ мнѣ. Тогда я поднялъ вверхъ свой костыль.

Послѣ этого полковникъ оставилъ меня въ покоѣ. Въ буфетѣ въ это время находились корреспонденты, многіе свидѣтели и адвокаты (Впослѣдствіи мы узнали, что сцену эту видѣлъ и прис. пов. Хоментовскій)...

На слѣдующій день въ 10 часу утра судъ собрался на предвокзальной площадкѣ.

Изъ вокзала вышли подеудимые, а впереди ихъ полк. Шреттеръ.

Путемъ опроса свидѣтелей были точно установлены тѣ мѣста, гдѣ Демьяновичъ билъ еврея булыжникомъ по головѣ, гдѣ стояла телѣга, нагруженная трупами, гдѣ расположены были войска.

Затѣмъ судъ двинулся къ чердаку. Онъ оказался запертымъ на ключъ. Принесли отъ станціоннаго начальства ключъ, отперли дверь, и первое, что всѣмъ бросилось въ глаза, это—нѣсколько ящиковъ тутъ же валявшихся. Приставили ящикъ къ окну, и влѣзшій на него членъ суда спокойно провозгласилъ: „вижу всю предвокзальную площадь, конку, мѣсто, гдѣ стояли драгуны, телѣга“. За первымъ судьей потянулись и остальные, за ними адвокаты, свидѣтели, и, въ общемъ, получилось такое впечатлѣніе:

Изъ окна прекрасно видна значительная часть площади и, между прочимъ, то мѣсто, гдѣ, по объясненію свидѣтелей, Демьяновичъ убивалъ евреевъ.

Что касается того мѣста у гост. Роона, гдѣ, по словамъ Куррехта, какой то громада дробилъ булыжникомъ голову лежавшему еврею, то мѣсто это закрывается высокимъ, густо разросшимся деревомъ. По объясненію Куррехта, дерево это въ то время не было еще такъ густо покрыто листьями и мѣсто было виднѣе. Во всякомъ случаѣ, не оставалось сомнѣнія, что если Куррехтъ не видѣлъ убійства у самой гостин. Роона, то онъ видѣлъ другое убійство дальше, на площади, и только впоследствии, подъ влияніемъ рассказовъ о происшедшемъ у гостин. Роона, смѣшалъ оба случая.

Опросомъ свидѣтелей, выставленныхъ Демьяновичемъ въ подтвержденіе своей невинности, и двухъ станціонныхъ жандармовъ и оглашеніемъ показанія нач. станціи Чапова заканчивается судебное слѣдствіе.

Любопытны показанія свидѣтелей Демьяновича—двухъ типичныхъ золоторотцевъ. Они, оказывается, были 2 іюня на предвокзальной площади вмѣстѣ съ Демьяновичемъ, и ни онъ, ни они никого не били.

— А отчего у Демьяновича рубаха въ крови была?

— Онъ порѣзалъ себѣ палецъ чѣмъ-то,—объясняетъ пріятель Демьяновича—Беззубикъ,—и замаралъ кровью рубаху.

— А изъ носа кровь не текла?

— Нѣтъ, не текла.

— Вѣрно знаете?

— Вѣрно.

Читатели помнятъ рассказъ Демьяновича про кровотеченіе изъ носа.

Другой свидѣтель—алибиистъ увѣряетъ, что у Демьяновича совсѣмъ не текла кровь.

Свидѣтели Перковскій и Дагель тутъ же уличаютъ Беззубика въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ Демьяновичемъ увѣчилъ евреевъ. Показаніе ихъ заносится въ протоколъ. Беззубикъ мрачно молчитъ.

Наконецъ, оглашаются показанія Чапова, данныя имъ судебному слѣдователю спустя 2 недѣли послѣ погрома.

Часть ихъ была оглашена при первомъ разбирательствѣ дѣла въ виду рѣзкаго противорѣчія между тѣмъ, что онъ говорилъ на судѣ, и показывалъ слѣдователю (см. № 21 „Права“). Мы не будемъ ихъ повторять. Приведемъ только нѣкоторые мѣста, въ первой разѣ не оглашенные.

„Всѣхъ избитыхъ 2 іюня евреевъ, показалъ онъ, было человекъ 11, а шесть изъ нихъ „болѣе или менѣе сильно“. Если въ газетахъ говорятъ будто всѣ эти шестеро убитые,—то это неправда. Газетамъ нынѣ вѣрить нельзя, и изъ всѣхъ газетъ относительно Бѣлостока правильнѣе всего пишетъ „Новое Время“.

Указавъ на нѣсколько случаевъ нанесенія евреямъ побоевъ, г. Чаповъ прибавляетъ:

— Вотъ всѣ случаи издѣвательства надъ евреями, и если въ газетахъ описаны разные ужасы, то это не больше, не меньше, какъ преувеличенія. Въ этихъ газетахъ и приставъ Шереметевъ, вполне достойный человекъ, забросанъ грязью и оклеветанъ только развѣ за то, что онъ когда то, когда освободилась должность полиціймейстера и ему стали говорить, что онъ займетъ эту должность, сказалъ:

„Тогда я прежде всего открою для евреевъ новое кладбище“.

Этимъ заканчивается судебное слѣдствіе, и судъ переходитъ къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ прокурора г. Конашинскій, начавшій свою обвинительную рѣчь съ заявленія, что онъ совершенно не будетъ касаться вопроса о томъ, чѣмъ были вызваны беспорядки и при какихъ условіяхъ они начались, такъ какъ онъ этимъ вопросомъ не занимался, ограничился краткимъ описаніемъ картины погрома на бѣлостокскомъ вокзалѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она обрисована въ обвинительномъ актѣ, и подчеркнувъ свое безусловное довѣріе къ словамъ потерпѣвшихъ, „заслужившихъ, по его словамъ, этой вѣры тѣми страданіями, которыя они пережили“, перешелъ непосредственно къ анализу уликъ, имѣющихся въ дѣлѣ противъ cadaго изъ подсудимыхъ—Въ конечномъ итогѣ онъ отказался отъ обвиненія двухъ подсудимыхъ: Хвесьяка и Янкевича, а противъ остальныхъ 10 поддерживалъ обвиненіе по 269¹ ст. улож. о нак., т. е. въ томъ, что они приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, которое, дѣйствуя соединенными силами

участниковъ, подъ вліяніемъ религіозной и племенной вражды, учинило насиліе надъ личностью евреевъ и похищеніе принадлежащаго имъ имущества. Противъ Михаила Демьяновича онъ, помимо того, поддерживалъ обвиненіе и по 1 ч. 1455 ст.

Затѣмъ произнесены были рѣчи представителями гражданскихъ истцовъ, присяжными повѣренными М. Б. Ратнеромъ и Л. А. Хоментовскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

По обнародованіи Высочайше утвержденнаго 3-го іюня текущаго года новаго положенія о выборахъ въ государственную думу („собр. узак.“ 1907 г. № 94, ст. 845), на практикѣ былъ возбужденъ вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ по прежнимъ выборамъ въ государственную думу, незаконченныхъ еще производствомъ въ подлежащихъ губернскихъ и уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ комиссіяхъ. По разсмотрѣніи сего вопроса, министръ юстиціи, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, пришелъ къ тому заключенію, что въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, въ коихъ, за воспослѣдованіемъ закона 3-го іюня сего года, положеніе о выборахъ въ государственную думу изданія 1906 г. (св. зак. т. 1 ч. 2) прекратило свое дѣйствіе, приведеніе всѣхъ указаннаго рода дѣлъ къ окончанію было бы лишено всякаго практическаго значенія и что посему такіа дѣла должны быть признаны не требующими нынѣ разрѣшенія, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ обвиненіе кого-либо въ преступномъ дѣяніи.

О семъ сообщено циркулярно предсѣдателямъ окружныхъ судовъ. (О. Б.).

Правительствующимъ сенатомъ разъяснено, что всякія организаціи сіонистовъ въ сообщества должны быть признаны запрещенными. Въ силу этого мин. вн. дѣлъ предложило градоначальникамъ и губернаторамъ внести, въ порядкѣ ст. 35 отд. закона 4 марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ, на обсужденіе мѣстныхъ городскихъ по дѣламъ обществъ присутствій вопросъ о закрытіи подобныхъ организацій и, такъ называемыхъ, „сіонистскихъ клубовъ“. (Русь).

Вятская духовная консисторія, по предписанію св. синода, въ засѣданіи 20-го іюля, разсмотрѣвъ дѣло сваящ. Ѳ. Тихвинскаго, бывшаго депутата 2-й г. думы, рѣшила:

Сваящ. Ѳ. Тихвинскій: 1) возбужденіемъ озлобленія къ преобладающей власти и политическихъ страстей; 2) своимъ одобрительнымъ отношеніемъ, какое онъ выразилъ и положительно (приглашеніемъ къ казни правительствующихъ лицъ), и отрицательнымъ (отсутствовалъ на засѣданіи 7-го мая) способами, къ разрушительной, крамольной дѣятельности революціонеровъ, о прекращеніи которой усиленно молится русская церковь, и 3) неповиновеніемъ высшей церковной власти—нарушилъ долгъ пастырскаго служенія, и, на основаніи Слова Божія, подлежитъ изверженію изъ сана. А потому консисторія пола-

гаетъ: **свщ. Тихвинскаго лишить священнаго сана съ исключеніемъ изъ духовнаго званія и съ передачею его въ распоряженіе губернскаго правленія; постановленіе сообщить свщ. Тихвинскому черезъ мѣстнаго благочиннаго.** (Р. Сл.).

Указомъ духовной консисторіи священникъ села Стриганскаго, екатеринбургскаго уѣзда, о. Іоаннъ Ключаревъ, отрѣшенный отъ мѣста и запрещенный въ священнослуженіи по обвиненію въ противоправительственной пропагандѣ, **сосланъ въ Долматовскій Успенскій монастырь.** (Сег.).

Бывшій членъ 1-й гос. думы А. А. Свѣчинъ недавно былъ избранъ на должность гродненскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Администрація **отказала въ утвержденіи г. Свѣчина въ этой должности.** (Реф.).

Администрація кіево-полтавской желѣзной дороги **увольняетъ служащихъ за забастовку въ декабрѣ прошлаго года; нѣкоторые привлекаются къ судебной отвѣтственности.** (К. М.).

Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа 20 іюля получилъ изъ министерства народнаго просвѣщенія предписаніе, въ которомъ говорится, что „министерство народнаго просвѣщенія, совместно съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на засѣданіи своемъ рѣшило **закрѣть курсы проф. П. Ф. Лесгафта (вольную высшую школу), какъ не отвѣчающіе своему прямому назначенію.**“ (П. Г.).

Московскій губернаторъ отдалъ распоряженіе о закрытіи по губерніи всѣхъ отдѣленій профессиональных союзовъ: по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, ткацко-вязальнаго производства и служащихъ въ мучныхъ, колоніальныхъ и чайныхъ лавкахъ. По распоряженію московской администраціи, въ Москвѣ въ послѣднее время **закрѣто 25 союзовъ, объединившихъ 28 тысячъ рабочихъ. Крупнѣйшіе изъ нихъ—союзы: рабочихъ графическихъ искусствъ, рабочихъ ткацкаго производства и металлическихъ издѣлій.** (Ст. У.).

Въ Харьковѣ, по распоряженію губернатора, **закрѣто профессиональное общество печатниковъ** (Утро).

22-го марта текущаго года бывшій сотрудникъ приостановленной „Полтавщины“ П. М. Клуный подалъ полтавскому губернатору прошеніе о разрѣшеніи подъ его, Клунаго, отвѣтственностью и редакторствомъ издавать въ Зѣньковѣ газету подъ названіемъ „Зѣньковскій Гражданинъ“. На это прошеніе 18-го іюня, т. е. черезъ три мѣсяца, отъ полтавскаго губернатора на имя зѣньковского исправника послѣдовалъ Клуному отвѣтъ такого содержания: „Предписываю вашему высокоблагородію объявить, за подпиской, Петру Михайловичу Клуному, что прошеніе его о разрѣшеніи ему изданія въ г. Зѣньковѣ подъ его отвѣтственнымъ редакторствомъ газеты признано мною, за силою 4-й ст. VII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 года, неподлежащимъ удовлетворенію, такъ какъ, по имѣющимся даннымъ, основаннымъ на собранныхъ свѣдѣніяхъ, предполагаемая Клунымъ къ изданію газета,

независимо отъ заявленной формальной ея программы, по своему дѣйствительному содержанію, **будетъ вредной для общественнаго порядка и спокойствія.**“ (Р. В.).

Въ Юрьевѣ, **закрѣта эстонская прогрессивно-демократическая газета „Постимеесъ“.** (Рѣчь).

Въ Симферополѣ, „союзники“ возобновали свои подвиги. **Ежедневно происходятъ избіенія мирныхъ обывателей. Шайки „союзниковъ“ расхаживаютъ по улицамъ, нападаютъ на прохожихъ, а также врываются въ дома, гдѣ производятъ обыски, сопровождаемые разгромомъ.** (Ст. У.).

Въ Петербургѣ, въ помѣщеніе невскаго отдѣленія общества рабочихъ по обработкѣ металла явилась полиція, произвела обыскъ и **арестовала всѣхъ находившихся тамъ лицъ, всего до 60 человекъ. Въ обществѣ въ то время происходило собраніе делегатовъ невскаго района. Среди арестованныхъ находится и предсѣдатель профессиональнаго общества.** (П. Г.).

Въ Петербургѣ, чинами полиціи, охраннаго отдѣленія и жандармеріи произведенъ рядъ обысковъ у писарей главнаго штаба, военно-топографическаго управления, главнаго и окружнаго интендантскаго управленія, канцеляріи военнаго министерства, генеральнаго штаба и управленія военныхъ сообщений. **Арестовано нѣсколько человекъ.** (Реф.).

Въ Варшавѣ, захвачено социаль-демократическое окружное управленіе Польши и Литвы. **Арестовано 7 человекъ.**

Въ Варшавѣ и въ Лодзи **арестовано 14 анархистовъ-коммунистовъ. Захвачено оружіе, переписка, прокламаціи и письма съ требованіемъ денегъ подъ угрозой смерти.**

Въ Бѣлостокѣ, обнаружена конспиративная квартира анархистовъ. Найдены оружіе, патроны, переписка на еврейскомъ языкѣ. **Арестовано семь человекъ.**

Въ пензенской губерніи производятся многочисленные аресты, обыски и административныя высылки. (Рѣчь).

Въ Вятку прибыла большая партія политическихъ. **Всѣхъ политическихъ ссыльныхъ 1900.** (Тов.).

Началась забастовка священниковъ въ селѣ Токмачкѣ, мелитопольскаго уѣзда. Забастовка выразилась въ отказѣ священниковъ исполнять требы, вслѣдствіе состоявшагося постановленія крестьянъ объ отобраніи у священниковъ земли и назначенія имъ взаимныхъ жалованій. За удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ крестьяне обращаются пока въ ближайшій городъ Орѣховъ. (Юж. В.).

Въ пензенской губерніи, въ селѣ Ахматовѣ въ имѣніи крестьянскаго банка произошли аграрные беспорядки. Крестьянами сожжено 750 возовъ разнаго хлѣба.

(Ч. Кр.)

Въ Уфѣ, 27 іюля, въ окно резерва городской полиціи было брошено 6 бомбъ. Взрывъ причинилъ

нѣкоторыя поврежденія; несчастій съ людьми не было.

Въ Кѣльцахъ, 27 іюля, убитъ во время прогулки въ экипажѣ на Карчевской аллеѣ начальникъ тюрьмы Грецкій. Убита также лошадь.

Близъ Москвы, въ дачной мѣстности Лощинно-Островское въ нѣсколькихъ дачахъ произведенъ обыскъ, причемъ на дачѣ Бѣлоусова найдены пять большихъ снаряженныхъ бомбъ, переписка и нелегальная литература. Арестовано всего 21 человекъ. Въ связи съ этими арестами въ мастерской Императорскаго технического училища произведенъ былъ обыскъ. Найдено много нелегальной литературы, бездымный порохъ и 600 запаловъ для бомбъ.

Въ Мариуполѣ, близъ завода Никопани найдено 10 бомбъ, зарытыхъ въ землю.

Въ Мариуполѣ на пароходѣ Волго-Донского общества „Кіевъ“ обнаружена фитильная бомба.

Въ Курскѣ, въ севастопольскомъ поѣздѣ обнаружены чемоданъ съ бомбами и револьверами, оставленный двумя анархистами, которые, при появленіи въ вагонѣ жандармовъ, поспѣшно скрылись. (Еж. П.).

Въ Перми, обнаружены новыя конспиративныя квартиры; найдены бомбы, оружіе, костюмы и революціонная литература.

На станціи Лихачево, южныхъ желѣзныхъ дорогъ, задержаны два подозрительныхъ лица, ѣхавшихъ въ поѣздѣ въ Харьковъ, подъ видомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ, другой задержанъ; при обыскѣ у послѣдняго въ корзинѣ найдены двѣ бомбы и револьверъ.

Полиціей былъ произведенъ обыскъ въ помещеніи московскаго технического училища. Найдены бездымный порохъ и матеріалы для приготовления взрывчатыхъ снарядовъ. (Сег.).

Въ Кишиневѣ, на вокзалѣ задержано четыре пуда пороху, назначеннаго къ отправкѣ пассажирскимъ поѣздомъ. (Бес. Ж.).

Въ Минскѣ, въ обнаруженной запертой квартирѣ анархистовъ полиція нашла оборудованную типографію, бомбы и складъ литературы. Это уже четвертая типографія, открытая текущимъ лѣтомъ. (Б. В.).

Въ Екатеринославѣ, въ вознесенской части захвачена типографія социаль-демократовъ. Найдено много шрифта, арестованъ хозяинъ квартиры. (Тов.).

Въ Ляховѣ, обнаружена тайная типографія партіи анархистовъ-коммунистовъ, а также двѣ снаряженные бомбы и нелегальная литература.

Въ Симбирскѣ, намѣреваясь совершить массовый побѣгъ, политическіе арестанты губернской тюрьмы перевязали и обезоружили надзирателей. Неме-

денно вызванная войсковая часть встрѣчена была выстрѣлами изъ отобранныхъ у надзирателей револьверовъ. Солдаты отвѣчали выстрѣлами. Убитъ одинъ арестантъ. Есть раненые. Порядокъ восстановленъ.

Въ Одессѣ, 26 іюля, политическіе заключенные, среди которыхъ находится нѣсколько приговоренныхъ къ смертной казни, устроили въ тюрьмѣ беспорядки, вызвавшіе вмѣшательство вооруженной силы. Поводомъ къ беспорядкамъ послужилъ отказъ администраціи выпустить изъ карцера приговореннаго къ повѣшенію убійцу пристава Чирикова. Вбунтовавшіеся ломали окна, двери, бросали камни въ надзирателей, били посуду, рвали платье. Вызванный караулъ усмирилъ арестантовъ. Одинъ политическій раненъ пулей. Бунтовавшіе размѣщены по карцерамъ. (Р. Сл.).

Въ Самарѣ, политическіе заключенные въ губернской тюрьмѣ объявили голодовку, явившуюся отвѣтомъ на неудовлетвореніе просьбы нѣсколькихъ политическихъ о предьявленіи имъ обвиненія. (Рѣчь).

Въ васьковской тюрьмѣ политическіе объявили голодовку. (К. М.).

Въ Одессѣ, 22 іюля, часовой, стоявшій у воротъ тюрьмы, замѣтилъ политическую Кривошееву, разговаривавшую черезъ окно съ уголовнымъ. Часовой, трижды предупреждавшій Кривошееву, выстрѣлилъ. Кривошеева тяжело ранена въ плечо. (Русь).

Въ петербургской пересыльной тюрьмѣ повѣсился у себя въ камерѣ уголовный Патраковъ. (Б. В.).

Въ Минскѣ, 22 іюля, повѣшены три человекъ, бѣжавшіе изъ дисциплинарнаго батальона Фоминъ и анархисты Соловьевъ и Зуевскій, приговоренные къ казни за убійство надзирателя. (Тов.).

Въ Петербургѣ, 23 іюля, повѣшены два человекъ: Михаилъ Балининъ, виновный въ вооруженномъ нападеніи, съ цѣлью ограбленія на мануфактурный магазинъ, и Петръ Никандровъ, виновный въ разбойномъ нападеніи на квартиру артельщика Князева. (Тов.).

Въ Ригѣ, 24 іюля, по приговорамъ военнаго суда разстрѣляны десять человекъ; одиннадцатый осужденный отравился въ тюрьмѣ наканунѣ казни. (Р. Сл.).

Въ Варшавѣ повѣшенъ въ цитадели Казиміръ Бѣлорудскій, которому въ процессѣ 67-ми было инкриминировано бомбометаніе на Долгой улицѣ, покушеніе на жизнь начальника движенія привислинскихъ дорогъ инженера Проскурякова, причемъ были убиты два ѣхавшихъ съ Проскуряковымъ въ экипажѣ желѣзнодорожника. (Р. Сл.).

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Богатыревъ, Николай Александровъ, куп. подъ фирм.: „наслѣдн. А. І. Богатырева“.	С. о. 6 авг. № 63. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 766.	Сумск. о. с.
Бырченко, Федоръ Васильевъ, куп. и Елена Андреева подъ фирм.: „насл. А. І. Богатырева“.	С. о. 6 авг. № 63. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 766.	Сумск. о. с.
Воруховъ, Мойше (отч. не указ.).	С. о. 2 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 761.	Ново-Маргеланск. о. с.
Высочанскій, Викентій Францевъ, дв.	С. о. 2 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 760.	Уманск. о. с.
Бутузовъ, Алексѣй Николаевъ, мѣщ.	С. о. 6 авг. № 63. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 765.	Троицк. о. с.
Т-во товаро-пассажирск. пароходства по р. Окѣ И. И. Фанталова.	С. о. 2 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 759.	Владимірск. о. с.
Юнаковъ, Юшай.	С. о. 2 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 761.	Ново-Маргеланск. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Большаковымъ, Саверьяномъ Яковлевымъ, кр.	Яковлевой, Пелагеѣ Акимовой.	С. о. 6 авг. № 63. У самарск. нот. Смирнова, 16 іюля 1897 г. № 1370. Р. IV, ст. 222.	Самарск. о. с.
Гундаревой, Еленой Васильеввой, мѣщ.	Глѣбову, Федору Павлову, ст. сов.	С. о. 6 авг. № 63. У спб. нот. Ивановича, 9 іюля 1902 г. № 5358. Р. IV, ст. 219.	Спб. о. с.
Массаковскимъ, Игнатіемъ Станиславовичемъ, дв.	Левицкому, Іосифу Діонисіу.	С. о. 6 авг. № 63. У краковск. нот. Бржескаго, 31 декабря 1896 г., у варшав. нот. Вирховскаго 15 іюля 1904 г. № 1494 и передовѣріе у кіевск. нот. Плятера, 15 марта 1901 г. № 1910. Р. IV, ст. 221.	Камен.-Подольск. о. с.
Соколовскимъ, Львомъ Федоровымъ, отст. шт.-кап.	Соколовскому, Дмитрію Федорову, студ.	С. с. 6 авг. № 63. У нахичеванск. нот. Чалкумъяна, 22 февр. 1906 г. № 359. Р. IV, ст. 223.	Нѣжинск. о. с.
Сысоевою, Маріей Ивановой.	Сысоеву, Владиміру Иванову.	С. о. 6 авг. № 63. У ростовск.-на-дону нот. Томашевскаго 20 ноябр. 1901 г. № 9179. Р. IV, ст. 220.	Спб. о. с.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТОЛЬКО ОДНА РЮМОЧКА великолѣпнаго вина Сентъ Рафаель

**предохранитъ Васъ отъ серьезныхъ за-
болѣваній на почвѣ желудка.**

Лѣтомъ, когда Вы ведете не совсѣмъ нор-
мальную жизнь, когда употреблеііе разныхъ
плодовъ и ягодъ является потребностью орга-
низма и часто влечетъ за собою желудочныя
заболѣванія, когда высокая температура и не
всегда здоровая вода увеличиваютъ эту опа-
сность, Вамъ необходимо пить исключительно

ВИНО СЕНЪ РАФАЭЛЬ,

такъ какъ оно, благодаря своимъ тоническимъ
и другимъ качествамъ, укрѣпляетъ Ваши силы
и не даетъ развиваться желудочнымъ болѣзнямъ

Вино СЕНЪ РАФАЭЛЬ:

**ОСВѢЖАЕТЪ, УКРѢПЛЯЕТЪ и ПОДДЕР-
ЖИВАЕТЪ НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ
ЖЕЛУДКА.**

Достаточно на пріемъ малая рюмка на
стаканъ воды.

Compagnie du Vin St.-Raphael Valence, Drome.